

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ИСААК ТРОЦКИЙ

ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПРИ НИКОЛАЕ I

Загадки истории (Пальмира)

Исаак Троцкий

Третье отделение при Николае I

«РИПОЛ Классик»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Троцкий И.

Третье отделение при Николае I / И. Троцкий — «РИПОЛ
Классик», — (Загадки истории (Пальмира))

ISBN 978-5-521-00351-8

Автор приоткрывает завесу над сыскной и провокаторской деятельностью политической полиции России в XIX веке. И. Троцкий выписывает портреты как руководителей III Отделения – Бенкендорфа, Дубельта, так и агентов, внедрившихся в декабристское движение и следивших за бунтарской деятельностью противников царского режима, – Шервуда, Бошняка.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-521-00351-8

© Троцкий И.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Третье отделение при Николае I. Сыщики и провокаторы	6
От автора	6
Структура и организация III отделения	7
Жандармы на страже самодержавия	13
Жандармы и литература	23
Будни III отделения	32
Люди и нравы III отделения	35
Жизнь Шервуда-Верного	43
I. Общество «Frères-cochons»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Исаак Троцкий Третье отделение при Николае I. Сыщики и провокаторы

* * *

© Оформление.

ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

Третье отделение при Николае I. Сыщики и провокаторы

От автора

История русской политической полиции еще не изучена. До сих пор исследователи ходили к архивам III Отделения и Департамента полиции только как к материалу по истории революционного движения. Между тем выяснение социальной природы и функций полицейской организации является чрезвычайно существенным для понимания позиции царского правительства в классовой борьбе и его политики. Задача эта поставлена на очередь, но еще не разрешена. Тем труднее дать популярный очерк по истории хотя бы ограниченного промежутка времени жизни политической полиции. Автор настоящего очерка и не претендовал дать исчерпывающую характеристику III Отделения времен Николая I. Задача книжки – в отдельных очерках сделать беглую сводку известного уже о III Отделении материала, по возможности представить общие очертания этого учреждения. Состояние вопроса в нашей исторической литературе пока допускает только такую постановку темы. В некоторых случаях я привлекал, впрочем, и неизданный материал – там, где под рукой оказывались архивные выписки, сделанные мною в связи с моими специальными работами.

Структура и организация III отделения

III Отделение строилось в сравнительно спокойное время: в течение всего николаевского царствования в России не было ни одного крупного революционного выступления. Такое положение позволяло не торопиться с организацией учреждения, и при всей своей суетливости и кажущейся загруженности важнейшими делами III Отделение довольно долго не могло собраться привести в единообразие свои разнородные части.

При образовании III Отделения в него вошли три составных элемента: особенная канцелярия Министерства внутренних дел, возглавлявшаяся фон Фоком, находившаяся в ведении того же Фока тайная агентура и жандармерия. Последняя и сама по себе была явлением сложным.

«Отдельный корпус жандармов, – читаем мы в официальном обзоре Министерства внутренних дел, – сложился из двух элементов: из жандармского полка, несшего военно-полицейскую службу при войсках, и из жандармских частей корпуса внутренней стражи. Жандармы при войсках впервые появляются 10 июня 1815 года, когда главнокомандующий Барклай-де-Толли предписал избрать в каждом кавалерийском полку по одному благонадежному офицеру и по 5 рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на марше, на bivуаках и кантонир-квартирах, отвод раненых во время сражения на перевязочные пункты, поимку мародеров и т. п. Чины эти наименованы жандармами и отданы в распоряжение корпусных командиров».

Очевидно, набор жандармов внутри полков препятствовал их изолированию от прочей солдатской массы. «27 августа того же года отдельные жандармские команды уничтожены, а взамен того Борисоглебский драгунский полк переименован в жандармский, и на него возложена полицейская служба при войсках; три эскадрона этого полка распределены небольшими отрядами по всем кавалерийским и пехотным корпусам, другие три эскадрона прикомандированы к главным квартирам армий, а седьмой эскадрон назначен для пополнения убыли. При этом приказано на укомплектование жандармского полка обращать исключительно нижних чинов, расторопных, отличного поведения и вообще способных исполнять военно-полицейскую службу, требующую особых качеств».

Этот жандармский полк нес, таким образом, полицейские функции исключительно в армии. Наряду с ним уже с 1810 года существовал корпус внутренней стражи, обслуживающий гражданские власти «при поимке воров и разбойников, в случае неповиновения власти, при взыскании податей и недоимок». В 1817 году в составе этого корпуса были учреждены жандармские дивизионы. Но управление ими было чрезвычайно пестро: в то время как одни жандармские части подчинялись обер-полицмейстерам, другие ведались гарнизонными командирами.

Учреждение должности шефа жандармов не положило конца этой организационной неурядице. Одними жандармскими частями Бенкендорф ведал целиком, другими лишь «в инспекторском отношении». Так дело продолжалось до 1836 года, когда был сформирован Отдельный корпус жандармов. Самое единство III Отделения и жандармерии держалось только на личной унии шефа жандармов и начальника III Отделения. Только в 1839 году должность начальника штаба корпуса жандармов была соединена с должностью управляющего III Отделением, и лишь в 1842 году окончательно слились все жандармские части.

Вся эта работа была проведена под непосредственным воздействием Л. В. Дубельта, которого и можно считать творцом жандармской системы в том виде, в каком она существовала при нем и впоследствии. Но на характеристике этого крупнейшего николаевского жандарма мы остановимся позднее.

Само по себе III Отделение являлось учреждением с сравнительно небольшим аппаратом. Первоначально личный состав был определен в 16 человек, которые должны были обслуживать все четыре экспедиции. Функции между этими экспедициями распределялись следующим образом.

I экспедиция ведала всеми политическими делами – «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором».

II экспедиция – раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и... крестьянским вопросом.

III экспедиция занималась специально иностранцами.

IV экспедиция вела переписку о «всех вообще происшествиях», ведала личным составом, пожалованиями и т. п.

Постепенно работа III Отделения усложнялась. В 1828 году к кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, в 1842 году выделенная в специальную V экспедицию. Увеличивалось и число служащих: к концу николаевского царствования штат состоял из 40 человек. Тем не менее строгого размежевания дел между экспедициями не было, в течение долгого времени не было и установленной формы переписки. Наиболее же секретные дела, в том числе и работа тайной агентуры, были подчинены непосредственно управляющему III Отделением – сначала М. Я. фон Фоку, потом А. Н. Мордвинову и Л. В. Дубельту. Управляющий отделением вместе с двумя-тремя наиболее ответственными сотрудниками собственно и являлся центральным двигателем всей системы. Он непосредственно сносился с тайными агентами, на его имя поступали многочисленные доносы и жалобы, от него зависело дать делу тот или иной оборот, так или иначе средактировать всеподданнейший доклад и т. п.

Такова была структура «центральной шпионской конторы», как называл III Отделение Герцен. На местах делами политической полиции ведали местные жандармские управления. Вся страна была разделена на несколько (сначала пять, потом восемь) жандармских округов, во главе которых стояли высшие жандармские чины. Округа, в свою очередь, распались на отделения. На отделение приходилось обычно 2–3 губернии; начальниками назначались жандармские штаб-офицеры.

Так пущена была в ход жандармская машина. В дальнейшем мы познакомимся с отдельными видами ее деятельности. К сожалению, бедная литература по истории тайной полиции особенно бедна по части сведений о «приватной» агентуре III Отделения. Поэтому в настоящий момент мы не в состоянии дать сколько-нибудь точную картину полицейского наблюдения того времени. Но уже по результатам его можно судить, что поставлено оно было довольно примитивно. Исследователи революционного движения 60-х годов, знакомясь со сводками агентурных донесений о революционных деятелях – Лаврове, Чернышевском, – отмечают чрезвычайную скудость шпионских данных. Наблюдение за Чернышевским, по словам А. А. Шилова¹, показывает «низкий уровень агентов... Их донесения не выходили из пределов данных наружного наблюдения или сообщений о „толках и слухах“». Никакой „внутренней агентуры“, дававшей впоследствии столько ценных для охраны сведений, не существовало. Не существовало и настоящих „секретных сотрудников“². Данные „наружного наблюдения“, „толки и слухи“, перлюстрация писем, материалы, получаемые при обысках, и „откровенные показания“ раскаивавшегося или доведенного каким-нибудь способом до „раскаiania“ допрашиваемого, – вот чем располагало III Отделение в начале 60-х гг.».

---

¹ Красный архив. 1926. Т. XIV. С. 85.

² То есть провокаторов.

Если так обстояло дело в 60-х годах, когда жандармерия мобилизовала свои силы для борьбы с поднимающейся революционной волной, то в предшествующую эпоху, гораздо более спокойную, наблюдение было поставлено еще хуже. Постоянные агенты, слонявшиеся по рынкам и трактирам и редко-редко проникавшие в дома так называемого «приличного общества», могли поставлять только материалы «слухов и толков». На помощь им приходили шпионы-добровольцы, но сведения их на 90 % оказывались ложными; чаще всего доносы эти появлялись в результате сведения мелких личных счетов. Впрочем, III Отделение, памятуя, что в хорошем хозяйстве «и веревочка пригодится», никогда не отказывалось от их услуг, хотя наперед знало, что, скорее всего, дело кончится разочарованием. Не приносила значительных материалов и перлюстрация писем: это видно по тем совершенно безобидным письмам, которыми все же интересовались жандармские чины в чайнии хоть какой-нибудь поживы. Что касается постоянного наблюдения, то оно, по-видимому, производилось сравнительно редко и чаще всего работало вхолостую.

Так, например, в мае 1849 года в районе Зимнего дворца стал ежедневно гулять какой-то подозрительный незнакомец. Время было смутное, а место для прогулок было выбрано такое, что переполошилось не только III Отделение, но и все высшие власти. За неизвестным было установлено «наблюдение». 4 мая он на прогулку вовсе не вышел, чем очень смутил Дубельта: уж не скрылся ли? 5 мая он уже был задержан и оказался совершенно безвинным отставным драгунским поручиком. В оправдание своей ретивости Дубельт сообщал: «Кажется, что он несколько расстроен в уме». Но, вероятно, это пустая отговорка: жандармы любили, когда у них не было никакого материала для обвинения, уличать своих жертв в сумасшествии...

Сравнительно слабо по сравнению с последующим периодом организован был и внутренний справочный материал Отделения. В позднее опубликованном отчете за 1828 год Бенкендорф писал: «За все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение». Карточки эти до нас не дошли, но трудно предполагать, чтобы они были составлены сколько-нибудь организованно. Во всяком случае, в сохранившемся до нашего времени большом личном алфавите III Отделения помещены были только те фамилии, которые стояли в заголовках дел. Обычно при столкновении с III Отделением какого-нибудь лица управляющий требовал архивную «справку» о данном обвиняемом или просителе. И если на него специального дела заведено не было, архив отвечал, что сведений нет. Только в 70-х годах был налажен справочный аппарат, использовавший не только обложки, но и содержание делопроизводства.

Систему политического сыска организовать, таким образом, не удалось. Местные представители жандармской власти должны были полагаться на свою наблюдательность, на случайные открытия агентов и, главное, на всемерно поощряемое добровольное доношительство. Этим и объясняется мелочный контроль, установленный жандармами над самыми безобидными проявлениями общественной жизни. Дворянские балы, дружеские пирушки, собрания любителей карточной игры – все это, вплоть до семейной жизни обывателей, бралось под надзор. Поэтому-то жандармская опека и казалась такой трудной русским интеллигентам, а сами жандармы – «всеведущими». Знали-то они действительно многое, но сведения их ограничивались «слухами и толками» и подглядыванием в замочную скважину. И неслучайно произошло, что самое крупное политическое дело николаевского царствования – кружок петрашевцев – было раскрыто не жандармской агентурой, а конкурировавшей организацией – Министерством внутренних дел, в ведении которого оставалась обычная полиция.

Эта конкуренция, сильно затруднявшая действия III Отделения, началась с самого его зарождения. Уже 20 июля 1826 года Фок жаловался Бенкендорфу: «Уверяют, что городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается, и будто бы на расходы полиции собственно на этот предмет прибавлено по 300 р. в месяц; говорят даже, что Фогель получит прибавку в 3000 рублей, чтобы иметь возможность следить за всем с большею деятельностью и с большим успехом».

10 августа Фок жалуется снова, на этот раз уже на слежку, установленную городской полицией за его собственной агентурой: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит... Ко всему этому следует прибавить, что Фогель и его сподвижники составляют и ежедневно представляют военному губернатору рапортчики о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов».

На местах губернские власти соперничали с жандармскими, и обе старательно втыкали друг другу палки в колеса. По положению и обычаю высшим лицом в губернии являлся губернатор. Рядом с ним становился жандарм, действовавший совершенно самостоятельно и при всяком удобном случае многозначительно кивавший на «вверенную ему высочайше утвержденную секретную инструкцию». Оба они, независимо друг от друга, доносили каждый своему начальству обо всем происходящем в губернии. Конечно, виной различных нарушений и беспорядков оказывалась противная сторона, и легко себе представить, что от таких столкновений правительство мало выигрывало.

Блестящую и ядовитую характеристику этой конкуренции двух полицейских аппаратов дал Герцен в своем изложении дела петрашевцев.

Честь раскрытия этого общества принадлежала чиновнику Министерства внутренних дел, специализировавшемуся по части политического сыска, действительному статскому советнику И. П. Липранди. Слежка была начата в феврале 1848 года.

Дальнейшие события передаем словами Герцена.

В 1848 году «министр внутренних дел получил уведомление о поведении Петрашевского. Он поселил одного шпиона, в качестве торговца табаком, в доме Петрашевского, чтобы войти в доверие его прислуги, а другого, по фамилии Антонелли, официально причисленного к Министерству иностранных дел, обязали сообщать министерству о заседаниях общества. Счастливый своим открытием, Перовский докладывает о нем государю, но, может быть, вы думаете, что он шепнул об этом и своему коллеге по тайной полиции, графу Орлову? Боже сохрани! Он потерял бы тогда отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств. Перовский хочет оставить себе одному честь спасения отечества. Поэтому граф Орлов в течение шести месяцев не знает об этом большом деле; Перовский потирает себе руки и ухмыляется. К сожалению, он не может велеть государю хранить тайну: в минуту гнева государь, прежде чем его птицелов успел протянуть все силки, сказал графу Орлову, что у его ищеек нет нюха, что это – сопливые собаки. Оскорбленный в своем самолюбии, граф Орлов собирает сведения и докладывает царю, что министр внутренних дел, чтобы возвысить себя, наговорил его величеству всякого вздора, что дело это совсем не так значительно, как его описывают, что не надо разукрашивать его особенно в глазах иностранцев, и, приняв некоторые патриархальные меры против главных вождей, можно прекратить дело без шума и скандала. Тогда Перовский, боясь, как бы столкновение мнений не выяснило правду, как бы не нашли только зародыш заговора, далеко не достигшего приписываемых ему размеров, и опасаясь, что вследствие этого ему не будет дан в вознаграждение графский титул, упрашивает царя отсрочить арест виновных... Но у государя хватило терпения только на восемь месяцев; статья в „Za Semaine“, которая, обсуждая венгерские дела,

говорила, что скоро у царя будет много своих хлопот, была каплей, переполнившей чашу. Царь не внимал убеждениям Перовского и назначил набег в ночь на 23 апреля (5 мая) 1849 года. Взаимное недоверие между начальниками двух полиций было так сильно, что каждый послал своего помощника. Со стороны графа Орлова был генерал Дубельт, а со стороны Перовского – Липранди...

Как только первые подсудимые, в числе 48, были приведены утром в канцелярию графа Орлова, он имел удовольствие убедиться собственными глазами в том, что доклады Перовского были не вполне точны, по крайней мере в смысле личной значительности заговорщиков. Среди обвиняемых, на которых падали самые тяжелые подозрения, был мальчик 14–15 лет, жандармы разбудили его рано утром, и он мирно доканчивал свой сон в зале канцелярии, пока его не разбудил внезапно громкий голос графа Орлова: „Что заставило вас устроить заговор, а?.. Вас слишком хорошо кормили, сукины сыны, вы с жиру беситесь!“ Этот взрыв гнева не был притворством знатного графа; он был искренен, потому что видел перед собой молодых людей, при помощи которых министр внутренних дел чуть было не подставил ему знатную подножку»³.

В лице Антонелли, действовавшего в кружке петрашевцев, мы сталкиваемся с типичным провокатором. Не гнушалось провокации и III Отделение, но ему редко удавалось применить ее с пользой. Чтобы застрашать Николая, жандармы частенько выдумывали «заговоры», но при ближайшем рассмотрении все эти «государственные преступления» оказывались блефом. Появились даже кустари провокации, на собственный риск и страх выдумывавшие «тайные общества». В этом смысле весьма поучительны истории Медокса и Шервуда, которых мы коснемся в следующей главе.

Наш очерк структуры III Отделения был бы неполон, если бы мы умолчали о заграничной агентуре. Дипломатический шпионаж существовал издавна. Агенты его комплектовались преимущественно из иностранцев и давали сведения не только по вопросам международной политики, но освещали и внутреннюю жизнь, и революционное движение европейских государств. Дело это, однако, было расплывлено по различным ведомствам и только с 30-х годов начинает объединяться в руках III Отделения.

Непосредственным толчком явилось польское восстание 1830–1831 годов и появление польской эмиграции. По словам официального отчета, «с 1832 года начинается ряд командировок чинов III Отделения за границу как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах. Следя за деятельностью польских выходцев, поселившихся в Западной Европе, III Отделение вместе с тем получало точные сведения о внутреннем политическом положении европейских государств, о деятельности и направлении различных политических партий, о силе и настроении правительств и об отношении их к России».

В 40-х годах к польской эмиграции присоединилась эмиграция русская. «Еще в 1843 году III Отделение обратило внимание на деятельность первых русских выходцев: князя Петра Долгорукого и Ивана Головина во Франции и Бакунина в Швейцарии... В 1848 году к числу русских выходцев присоединился и Герцен». Слежка за эмиграцией была поставлена, впрочем, тоже довольно кустарно. В Париже действовал Яков Толстой, разоблаченный уже в 1848 году. В Австрии и Пруссии приходилось больше рассчитывать на содействие местных полицейских учреждений, чем на собственные силы. Возложение же сыщических обязанностей на русских дипломатов не всегда приводило к желанным результатам. Как писал в 1858 году Герцен, «все дельные русские дипломаты ясно понимают, что ничего нет общего между сношениями России с другими державами и вертепом III Отделения. Делать жандармов из

---

³ Не все в этом рассказе точно с фактической стороны и в смысле хронологии. Орлов узнал о деле Петрашевского значительно раньше, чем это рисует Герцен. Но соперничество двух полиций изображено превосходно.

послов – изобретение Николая. Поццо ди Борго, Пален и др. старались ему объяснить, что не всякий способен быть Дубельтом. Покойник (т. е. Николай) этого не понимал и с тем изволил отбыть в Петропавловскую крепость».

Жандармы на страже самодержавия

Основной задачей III Отделения была борьба с крамолой: в николаевскую эпоху борьба эта была чрезвычайно облегчена, и III Отделение, при всех дефектах своей организации, относительно справлялось с работой. Во всяком случае, в это время у жандармов не было крупных политических провалов, и даже в грозный для всей Европы 1848 год Дубельт в письме к находившемуся за границей В. А. Жуковскому мог с удовлетворением констатировать: «У нас все тихо, благополучно, и мы должны благодарить Господа Бога, что он вручил нас такой благодетельной державной деснице».

Этот общественный застой имел вполне ясные для нас общественные причины. Характеризуя выше социальную политику николаевского правительства и самого Николая, поскольку он был немалой спицей в государственной повозке, мы отмечаем свойственную этому времени двойственность. Двойственность эта, конечно, вытекала не из каких-нибудь личных качеств императора, а из двойственности, противоречивости основных линий развития николаевской России. Совмещение охранительства и демагогии обуславливалось переходным характером эпохи: «Промышленный капитализм уже был налицо и боролся за власть с торговым, но последний пока был настолько силен, что не шел ни на одну явную уступку, стараясь закупить своего соперника тайными поблажками»⁴. Эта борьба промышленного и торгового капиталов и взаимное их друг к другу приспособление и определяют расстановку классовых сил эпохи.

Если в предшествующий период русское сельское хозяйство интенсивно работало на внешний рынок и помещичье хозяйство начинало поддаваться новым промышленно-капиталистическим формам, то начиная с 20-х годов картина резко меняется. Мировой хлебный рынок очень сильно снизил хлебные цены, и это обстоятельство, вплоть до 50-х годов XIX в., держало русское помещичье хозяйство в плену крепостных отношений. Отсутствие денег в корне пресекало всякие размышления о замене крепостного труда вольным; таким образом, низкие хлебные цены были лучшим оплотом крепостного права, нежели всяческие «крепостнические вождедения» людей, власть имеющих⁵. И дворянство во всей своей массе остается верным престолу, охраняющему устои крепостного права. Если иногда помещику приходится потесниться для промышленника, а иногда поделиться доходом с чиновником, то эти мелкие неприятности могли подвигнуть только на две-три недовольные фразы, конечно, шепотом. Никакой оппозиции правительству, даже пассивной, дворянство не показывает, тем более что находится от него и в прямой материальной зависимости. Когда в 1839 году французский путешественник маркиз де Кюстин, наблюдая нравы российского дворянства, удивился всеобщему раболепию перед престолом, ему объяснили, что большая часть дворянских имений заложена в государственном банке и Николай является не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства. Это – не случайное объяснение, придуманное для любопытствующего иностранца, а официальная точка зрения. III Отделение всерьез полагало, что толчком, побудившим декабристов на террор против царской фамилии, было желание освободиться от своего кредитора. «Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, – читаем мы в официальном докладе шефа жандармов, – за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы людей „14-го“, были ложные утверждения, что занимавшее деньги дворянство является должником не государ-

---

⁴ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1922. С. 98.

⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. IV. С. 16.

ства, а царствующей фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделавшись от кредитора, отделяются от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

Если отступавшее крепостное хозяйство должно было держаться за свою главную опору – самодержавие, то развивавшаяся промышленность находила в том же правительстве довольно надежного агента. Внешняя политика, таможенные тарифы – все это было направлено на поддержание отечественной индустрии. Русская буржуазия, не бывшая особенно революционной в предшествующую эпоху, тем не менее склонна была выступать против правительства в период своего бурного роста. Капиталисты, конечно, не возражали бы против некоторых буржуазных реформ, но вовсе не склонны были отстаивать их с оружием в руках и удовлетворялись теми компромиссами, которые предлагало им правительство.

Оставались угнетенные классы: крестьяне и рабочие. И на них III Отделение обратило пристальное внимание.

«Исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели преобладающее значение... Между этими вопросами в течение многих лет первенствующее место занимало положение крепостного населения. Третье отделение обстоятельно изучало его бытовые условия, внимательно следило за всеми ненормальными проявлениями крепостных отношений и пришло к убеждению в необходимости, даже неизбежности отмены крепостного состояния».

Читатель не должен удивляться этому странному на первый взгляд положению: в качестве защитников крестьянского освобождения выступают не вольнодумцы, не декабристы или петрашевцы, а николаевские жандармы, и врагов крепостничества не разжалуют в рядовые, не ссылают в Сибирь, а награждают чинами, орденами и властью. Не ошибка ли? Не приписали ли себе жандармы задним числом (цитированный выше юбилейный обзор относится к 1876 году) участие в реформе, за одни помыслы о которой в начале николаевского царствования ссылали и гоняли сквозь строй?

Нет, все верно. Жандармы действительно пришли к выводу о необходимости реформы, но пришли своим собственным путем. Характеризуя состояние крепостного крестьянства, III Отделение писало уже в самом начале своей деятельности:

«Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голосов, чем это можно было предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия». По словам шефа жандармов, крестьяне ждут не дождутся воли и готовы к новому бунту. В народных толках поминают имя одного из малоизвестных продолжателей Пугачева, атамана Метелкина, и готовятся к его «возвращению»: «Пугачев поугал господ, а Метелкин пометет их». Предполагать поэтому снижения волны крестьянских волнений не приходится, а «так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства».

И в дальнейших своих трудах III Отделение не забывало упомянуть, что в массу недовольных входит «все крепостное сословие, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения». А в «нравственно-политическом отчете» за 1839 год Отделение напоминало, что «весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению», что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».

Картина становится ясной. К выводу о необходимости освобождения приводили интересы полицейской безопасности государства, сыгравшие немалую роль и в самой реформе 1861 года. Жандармы слишком часто сталкивались с крестьянскими восстаниями в роли усмирителей, чтобы не понять всей опасности новой пугачевщины. Но вместе с тем крестьянское движение того времени – факт, отмеченный исследователями, – при всей частоте волнений, при всевозрастающем числе убитых помещиков и сожженных усадеб, оставалось

распыленным, неорганизованным. Перейти в крестьянскую революцию оно так и не смогло, ни в это время, ни позднее, когда вся русская революционная демократия ожидала массового крестьянского восстания. Этот предел размаха движения ощущался и жандармами, и они никогда не предлагали немедленного раскрепощения, а отмечали только «настоятельность мер переходных, подготовительных». В практической же своей деятельности III Отделение занималось, главным образом, подавлением крестьянских восстаний – в этом деле неизменную роль играли жандармские команды. Правда, в исключительных случаях помещичьей жестокости доставалось и помещикам. В отчете III Отделения со значительным преувеличением говорится: «О всех случаях неповиновения и буйства крестьян, убийства помещиков и управителей или посягательства на убийство, а также жестокого обращения со стороны помещиков немедленно было представляемо государю». На самом деле не только большинство помещиков безнаказанно издевалось над своими рабами, но и значительная доля волнений ликвидировалась местными средствами, не доходя до сведения III Отделения. Равномерность же преследования «буйных» крестьян и жестоких помещиков заключалась в том, что восставших мужиков пороли, ссылали в каторгу и отдавали в солдаты, а доведшего их до исступления барина лишали только права лично распоряжаться своим именем, отдавали в «опеку».

С немалым вниманием относилось Отделение и к впервые появляющемуся в это время на сцене русской истории рабочему вопросу. В этом отношении жандармы оказывались достаточно чуткими и сумели просигнализировать опасность, когда она только еще зарождалась, тем более что рабочие волнения, в общем аналогичные крестьянским бунтам, подчас приобретали своеобразный организационный характер... Так, по данным III Отделения, в 1837 году «на горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастерские заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами». Вольнодумные мастерские выпустили даже прокламацию довольно яркого содержания:

«Во всех известных странах не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас, в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями полное право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью, не только от самих господ, но и от равных крепостных людей».

Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательного труда в пользу господ, доказывающаяся неосновательность санкционирования этого порядка авторитетом Священного Писания, ибо Бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство; и, наконец, делается ссылка на пример «граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами... Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе: следственно, она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти, присвоивших ее несправедливо, и о ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства».

Рабочее тайное общество являлось уже чем-то совершенно новым, и тем суровее, конечно, была жандармская расправа. Но, преследуя рабочих бунтовщиков и тщательно регистрируя все случаи рабочих волнений, жандармы не забывали и необходимости некоторой «социальной профилактики». Недаром в 1835 году был издан первый фабричный закон.

Обозревая свою деятельность за период 50 лет, III Отделение с особым удовлетворением отмечало проявленное им внимание к «нуждам рабочего класса».

«В 1841 году, – читаем мы в юбилейном отчете, – была учреждена под председательством генерал-майора Корпуса жандармов графа Буксгевдена особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в С.-Петербурге. Представленные ею сведения были сообщены подлежащим министрам и вызвали некоторые административные меры, содействовавшие улучшению положения столичного рабочего населения. Между прочим, на основании предположений комиссии, по инициативе III Отделения, была устроена в С.-Петербурге постоянная больница для чернорабочих, послужившая образцом подобному же учреждению в Москве».

Но ни рабочее, ни крестьянское движение не могло занять сколько-нибудь видного места в работе жандармского аппарата. Первое еще только начиналось, а второе, по самым своим формам, не могло оправдать существования III Отделения. Стихийно возникавшие крестьянские бунты не могли быть предотвращены никаким полицейским надзором, никакой тайной агентурой. В борьбе с массовым движением жандармы выступали либо в качестве усмирителей, либо с мудрыми предложениями мер предосторожности. Центральной же их задачей была борьба с крамолой «образованных классов», как тогда говорили. Но, как мы видели выше, ни дворянство, ни буржуазия в массе своей революционностью не блистали. Рассматривая настроения отдельных групп, жандармы отдавали себе отчет в этом обстоятельстве.

Уже в «обзоре общественного мнения» за 1827 год мы находим картину отношений к правительству различных социальных групп. Помимо непосредственного интереса очерк этот любопытен еще и тем, что дает социальную иерархию жандармского общественного деления.

На первом месте обзор ставит «двор», то есть «круг лиц, из коих собственно и составляется придворное общество». Здесь жандармский надзор отмечает две группы: телом и душой преданных императору и партию «вдовствующей» императрицы. Впрочем, настроение придворных, по справедливому мнению III Отделения, несущественно: «Мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно (то есть мнение) не играет никакой роли в обществе».

На втором месте стоит «высшее общество», то есть столичная аристократия и бюрократическая верхушка. Здесь обзор устанавливает довольно грубое деление на две группы: «довольных» и «недовольных». Недовольные – это либо опальные вельможи прежнего царствования, либо же сторонники аристократической конституции на английский манер, члены «английского клуба». Последние кажутся опаснее, но ни те ни другие не представляют сколько-нибудь значительной угрозы в смысле перехода к какому-нибудь действию.

Далее идет «средний класс: помещики, живущие в столицах и других городах, несущие дворяне, купцы первой гильдии, образованные люди и литераторы. Этот многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи». Здесь все обстоит благополучно: «Улучшение настроения и общественного мнения этого класса прогрессирует с поразительной быстротой». Правда, все эти группы имеют свои мелкие жалобы. Помещики и купцы страдают от налоговой политики и денежных затруднений, литераторы недовольны бездеятельностью Министерства народного просвещения. Но основной факт непреложен: «средний класс» является надежнейшей опорой правительства.

Следующей социальной группой, выделяемой «обзором», является чиновничество. Последнее не внушает сколько-нибудь серьезных опасений, но «морально наиболее развращено» и требует попечения с этой стороны. «Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее

крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы».

В своей борьбе с бюрократизмом III Отделение на словах шло довольно далеко. В «картине общественного мнения за 1829 год» дан разбор всех министерств и министров. В своей критике жандармы, «невзирая на лица», были довольно резки. Так, о министре финансов Канкрине сказано, что он «человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают». Министр внутренних дел Закревский «деятелен и враг хищений, но он совершенный невежа». Министр народного просвещения – обскурант. Военный министр граф Чернышев «пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти публики, всех классов без исключения». Морской министр прямо обвинен в воровстве и т. п. Наряду с характеристикой высших бюрократов жестокой критике подвергается и вся государственная система.

Но, как мы отмечали выше, борьба III Отделения с чиновничеством была исторически обречена на неудачу. Несколькими «показательными» процессами и наказаниями нельзя было остановить все усиливавшийся бюрократизм аппарата. И, сознавая свое бессилие, III Отделение на практике очень мало боролось с чиновничеством, особенно средним и низшим, не приходившим в личные столкновения с центральной жандармской конторой.

Возвращаясь к «обзору общественного мнения», мы находим в нем еще три отдельные группы: армию, крепостное крестьянство и духовенство. В армии сравнительно все хорошо: нельзя, может быть, определенно утверждать, что армия в целом довольна, но надо сознаться, что она «вполне спокойна и прекрасно настроена». Неблагополучно обстоит с крестьянством, жаждущим освобождения, и массой духовенства. Последнее живет почти в одинаковых условиях с крестьянством и заражается его настроениями.

Вся эта картина рисует сравнительно спокойное состояние общества, да так оно и было на самом деле. И единственное черное пятно на безоблачном жандармском небе составляет интеллигентная дворянская молодежь. В ее характеристике автор обзора доходит до пафоса:

«Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маскою *русского патриотизма*. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшинами, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ».

Таким образом, центром оперативной деятельности III Отделения стала слежка за молодежью, которая представлялась наиболее благоприятной почвой для возникновения «тайных обществ». Однако «наблюдение вскоре убедило, что преступные замыслы (имеются в виду декабристы) не оставили в обществе почти никакого следа. Оренбургское дело и ничтожная попытка образования тайного общества в Москве⁶ были единственными, можно сказать, исключительными случаями, обратившими на себя внимание Отделения в первые пять лет его существования». С тем большей энергией взялось III Отделение за дело с 1831 года, после польского восстания.

В приведенной выше характеристике «общественного мнения» помимо разреза социального не был забыт и разрез национальный. Правда, вовсе не все народности, населявшие

---

⁶ Имеются в виду дела Колесникова и братьев Критских.

империю, были признаны достойными жандармского изучения. В обзоре упомянуты только прибалтийские провинции, Финляндия и Польша. Хуже всего обстояло с последней, но как раз в Польше III Отделение не имело силы. Там действовала, хотя в значительной степени лишь на бумаге, своя конституция, а наместник, великий князь Константин, относился к жандармам довольно скептически, в польские губернии их не допускал и управлял по собственному разумению. Восстание 1830–1831 годов сразу изменило обстановку. Уже в самом его начале Бенкендорф почувствовал, какую обильную пищу для работы своего учреждения он получает. «У нас эта война будет войной национальной, – писал он великому князю Константину 29 декабря 1830 года, – тем не менее она большое для нас несчастье. Она послужит поощрением для негодяев всяких национальностей и бросит на весы, и без того уже наклоняющиеся в другую сторону, большую тяжесть в пользу мятежа против законной власти».

После подавления восстания польская конституция была уничтожена, и III Отделение распространилось на Польшу. Здесь оно развило энергичную деятельность, перешедшую через границу и приведшую к созданию заграничной агентуры. Списки дел III Отделения пестрят именами поляков, отправляемых на каторгу, в ссылку, бегущих оттуда и вновь попадающих в силки и т. п. Каково было отношение жандармов к польским делам, хорошо иллюстрирует рассказ жандарма Ломачевского, относящийся к его деятельности в виленской следственной комиссии 1841 года. Когда председатель комиссии, изумившись рвению одного из ее членов, полковника Н., спросил его:

– Скажите, полковник, что, по вашему мнению, лучше для государя: не раскрыть вполне преступления или, напутав небылиц, обвинить невинного?

Тот отвечал ничтоже сумняшеся:

– Лучше обвинить невинного, потому что они здесь все виноваты, ракальи.

«Между тем как польские провинции вызывали усиленную деятельность III Отделения в политическом отношении, внутренние, чисто русские области империи оставались по-прежнему спокойными и не возбуждали ни малейших опасений». Действительно, за весь период от декабристов до петрашевцев жандармам не довелось раскрыть ни одного сколько-нибудь крупного революционного дела. Оренбургское дело Колесникова, дело братьев Критских, дело Ситникова, кружки, связанные с именами Сунгурова, Герцена и Огарева, Кирилло-Мефодиевское общество – и все. Ни одна из этих организаций не успела начать революционные действия, а некоторые вовсе не собирались к таковым приступать. Кроме того, не все эти общества были раскрыты непосредственно III Отделением.

С одной стороны, это положение было для жандармов чрезвычайно отрадным. Спокойствие общества позволяло работать без излишней спешки и волнений и приобретать чины и ордена без особого риска и невзгод. Но, с другой стороны, нужно было проявлять деятельность, а наиболее важного поприща – политического движения – как раз и не хватало. Поэтому то немногое, что находилось, раздувалось донельзя. Жестокие наказания постигали невинных студентов, за чаркой вина спевших оппозиционную или просто непристойную песню. Все, что чуть-чуть выходило за рамки дозволенного, превращалось в страшное преступление, но не только потому, что «у страха глаза велики», но и потому, что других преступлений вовсе не было, а обходиться без «государственных преступников» III Отделению было неприлично. Правда, изрядную работу доставляли разбросанные по различным тюрьмам декабристы и, позднее, поляки. На каждого было заведено особое дело, каждый рассматривался как бациллоноситель. Но вся эта слежка, хотя и требовала времени и усилий, уже не могла принести сколько-нибудь значительные результаты. И жандармы хватаются за каждое сообщение, каждый слух о тайном обществе или заговоре, а ловкие авантюристы-провокаторы используют и жандармское рвение, и страх императора перед революцией. Николай не оставлял без внимания ни одного политического доноса, особенно связанного с декабристами или поляками, как бы ни был нелеп такой донос.

Так, в 1835 году некий Луковский, приехавший из Англии, сообщил, что в Англии существует два тайных общества: одно – русское, образовавшееся после 14 декабря, а другое – польское, возникшее после восстания 1831 года. Он, Луковский, состоит членом этих обществ. Оба они действуют в контакте и предполагают начать в России широкую пропаганду. Для этого печатается соответствующая литература, полная ненависти к России и русскому престолу, и литературу эту будут переправлять в Россию по маршруту Индия – Персия – Грузия – Астрахань. При всем том Луковский ни одной фамилии не называл и, как полагалось во всех таких случаях, просил дать ему денег для раскрытия злого умысла.

Нелепость доноса была очевидна: после 14 декабря неоткуда было взяться в Англии тайному обществу, а невозможный в ту пору и придуманный лишь для вящего эффекта маршрут сразу обнаруживал мнимость предприятия. Николай, как он ни боялся призрака революции, догадался, что его обманывают, и на докладе по доносу Луковского положил резолюцию: «Все это очень неясно, нет ни одного положительного указания; во всем этом правда только ненависть к нам англичан». Однако тут же смутился – не проворонит ли он таким манером заговора – и приписал: «Впрочем, в наш век нельзя ничего оставлять без внимания».

Пользуясь мнительностью императора, III Отделение давало ход таким делам и провокациям, фальшивость которых наиболее умные жандармы, как Фок или Дубельт, должны были понимать. Недаром про Дубельта говорили, что он «выдумывает заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этим доказывать свою необходимость». Если Дубельт сам заговоров и не выдумывал, то он не препятствовал другим измышлять их. Дела III Отделения полны доносов о «государственных тайнах» и «злоумышлениях против императора», которые после расследования оканчивались впустую. Эти доносы наконец утомили самих жандармов, и они стали наказывать неудачливых доносчиков. Тем не менее провокаторы не унимались, и в нашем очерке николаевской жандармерии мы должны найти место и для них. Для примера приведем истории двух провокаторов: Медокса и Шервуда. Это фигуры, очень характерные для своего времени, крупные по размаху и к тому же сравнительно хорошо освещенные в нашей литературе.

Роман Медокс, сын содержателя театра, начал свои подвиги еще в александровскую эпоху. В 1812 году, имея от роду всего 17 лет, он воспылил неумеренной любовью к отечеству и, прельстясь мыслью явиться «подражателем Пожарскому, Палицыну и Минину», решил на собственный риск и страх и, конечно, на казенный счет составить самостоятельное ополчение горских народов Кавказа. Для этого подвига он сфабриковал себе документы на имя адъютанта министра полиции, поручика конной гвардии, флигель-адъютанта Соковнина, выдал себе неограниченные полномочия от военного министра, а также соответствующие предписания министра финансов на предмет финансирования его предприятий и, вооружившись всем этим, явился в начале 1813 года на Кавказ, где развил сразу же самую энергичную деятельность. Получив по предъявленному им подложному предписанию 10 000 рублей, он принялся за объезд кавказской военной линии, обзрел укрепления, устраивал смотры, словом, «ревизовал»; узнав же, что местные власти в служебном рвении поспешили донести своим начальникам об успешном выполнении полученных через него распоряжений, он не только не смутился, но даже послал министру полиции самостоятельный рапорт о своих действиях с присовокуплением приватного письма, в котором он настойчиво просил подтвердить все его поступки и полномочия.

Вязьмитинов не обладал, по-видимому, ни чувством юмора, ни умением ценить птицу по полету. Он не внял настояниям Медокса, и последний поплатился за свои проделки тринадцатилетним знакомством сначала с Петропавловской, а потом с Шлиссельбургской крепостью. Впрочем, выпущенный на свободу, Медокс очень скоро заручился доверием III Отде-

ления и, присоединив к своим старым приемам еще и провокацию, показал большой размах и инициативу.

В 1829 году Медокс, в чине рядового, очутился в Иркутске, где тогда служил городничим А. Н. Муравьев, осужденный по делу декабристов и затем помилованный, но оставшийся под сильным подозрением и окруженный шпионами. К последним присоединился и Медокс, втершийся в дом к Муравьеву, прикинувшись влюбленным в сестру его жены.

Наблюдая за Муравьевым и его домашними, Медокс заметил, что они поддерживают нелегальные сношения с Петровским заводом, где находились осужденные декабристы. Донеся об этом в III Отделение, Медокс решил продолжить деятельность такого рода и в 1832 году соорудил провокацию большого масштаба.

По его словам, среди нелегальной переписки декабристов, шедшей через дом Муравьева, ему удалось случайно найти зашифрованные письма. Разобрав шифр, он узнал, что в обеих столицах существует обширное тайное общество «Союз великого дела», поставившее своей задачей продолжить дело декабристов и находящееся в постоянных сношениях с Петровским заводом. Для большей важности Медокс, следуя своему старому рецепту, сфабриковал по выдуманному им шифру письмо от имени декабриста Юшневского. В письме этом Юшневский рассуждал о делах нового общества, и важность находки, таким образом, становилась несомненной.

Запуганное призраком революции, правительство попало на удочку и после различных прений и совещаний отправило к Медоксу специального посланца, ротмистра Вохина. Тот устроил Медоксу поездку в Петровский завод, где, пользуясь знакомством с женой Юшневского, Медокс должен был вступить в сношения с заговорщиками. Медокс перезнакомился с петровскими декабристами, а по возвращении представил Вохину подробный дневник своего путешествия, конечно подтверждавший существование заговора. В качестве же вещественного доказательства он сфабриковал специальный «купон», который должен был ему, как члену «Союза великого дела», открыть доступ к столичным кругам тайного общества.

Затем Медокс отправился в Петербург, где дал личные показания Бенкендорфу, а оттуда в Москву, где он должен был явиться со своим «купоном» к матери декабристов Е. Ф. Муравьевой. III Отделение начало уже расследование по его доносам, а он тем временем жуировал в Москве и на напоминания приставленного к нему жандармского генерала отвечал сначала различными неопределенными обещаниями, а потом самыми бессмысленными доносами на совершенно лояльных людей. Однако и эти доносы принимались во внимание. Между тем Медокс успел выгодно жениться и, захватив женино приданое, внезапно исчез из Москвы, где упомянутый генерал начал докучать ему своими требованиями разоблачений и явно уже подозревал его в обмане.

Похлестаковствовал некоторое время в провинции и истратив все деньги, Медокс вернулся в Москву, где и был выдан семьей жены. Тут уже не помогли никакие новые доносы и «разоблачения». Ему пришлось сознаться в подлогах и вторично надолго осесть в Шлиссельбургской крепости.

В том же духе, хотя и с иными деталями, история Шервуда. Отличившись в деле декабристов, где он, ничтожный унтер-офицер, сумел организовать самостоятельную провокаторскую интригу, Шервуд с самого начала царствования Николая I был осыпан почестями и милостями. Он был произведен в офицеры, пожалован дворянством, получил приставку к фамилии – «Верный» и, наконец, привлечен к трудам III Отделения. В 1827 году он получил ответственную командировку на юг с тайной миссией обследования умов и толков южных губерний. Чувствуя себя героем дня, Шервуд держал себя на юге так вызывающе и настолько превысил свои «ревизорские» полномочия, что должен был прекратить командировку и отправиться «к водам» на Кавказ. Тем не менее осенью 1829 года он оказался в Киеве, и здесь

его деятельность приняла явно провокационный характер. Он завел собственную полицию, распространив ее на ряд соседних губерний, разослав каких-то подозрительных агентов, и готовил новое «тайное общество». Зная слабую сторону правительства, он хотел создать это общество из остатков декабристов и масонских организаций. Для этого он окутывал шпионской сетью и родственников декабристов, живших в тех краях, и таких вельможных дам, как сестра князя Голицына или графиня Браницкая. Держал он себя с подобающей важной особе таинственностью и только намеками давал понять о серьезности порученных ему дел. Все бы могло сойти хорошо, если бы жандармский подполковник Рутковский не почувствовал, что интриги Шервуда могут отозваться на его собственной карьере, и не настроил в Петербург доноса, в котором он приводит и некоторые неосторожные фразы Шервуда по адресу шефа жандармов. Бенкендорф лишил Шервуда своего покровительства, и на этом его жандармская служба остановилась.

Тогда Шервуд стал на путь уголовных афер, но и в этом деле наткнулся на сопротивление III Отделения. Все его доносы, все попытки провокаций оставались безрезультатны. Наконец, он даже был выслан из столицы. И тогда он поставил последнюю ставку. Он отправил великому князю Михаилу Павловичу обширный донос на недостатки государственного аппарата и на продолжающуюся деятельность декабристов и польских революционеров.

«Кто же, – взывает охваченный гражданской скорбью Шервуд, – допустил все это зло, все эти беспорядки, все эти адские замыслы, все то лихоимство? Ведь в начале царствования был учрежден Корпус жандармов, который должен был сосредоточить все моральные силы империи, лучших людей государства, соединявших высокие нравственные качества с беспредельной преданностью царю и отечеству. В том-то и оказывается корень зла, что в III Отделение проникли ненадежные люди, а главенство в нем захватил обольтивший Бенкендорфа Дубельт; этот человек, всегда бывший против правительства, едва ли не во всех обществах, из III Отделения сделал место, которому дали название – факторская контора. Надо томы написать, чтобы исчислить все мелочные дела, разобранные III Отделением, и смело можно сказать: много Высочайших повелений вышло без воли Государя. Весь Петербург можно спросить, ибо все знали, что если нужно было, по какому бы то ни было делу, исходатайствовать Высочайшее повеление, то стоило только адресоваться к полковнице Газенкампф, которая, будучи довольно снисходительна в цене, всегда была верна в своем слове; генерал-майор Дубельт проживал всегда в год более 100 т[ысяч] рублей, сверх того прикупал имение». И покуда такие люди, как Дубельт, сидят у самых истоков власти, а без лестии преданные Шервуды находятся в изгнании, до тех пор не воцарится на Руси порядка и она все более и более будет погружаться в бездну гибели.

Старый провокатор вступил в бой с самим III Отделением, но бой оказался неравный. Любопытна судьба доноса. Великий князь Михаил переслал его... Дубельту. И тот, запрятав Шервуда в Шлиссельбург, вместе с тем произвел расследование о названных в доносе лицах и представил Николаю обширное оправдание как в своих собственных делах, так и в отношении работы III Отделения. Отрывок из этого оправдания мы приводим как образчик того, в какой мере были искренни жандармы в своей борьбе с бюрократическим аппаратом.

«Столь преувеличенное описание злоупотреблений само собой обнаруживает неосновательность доноса. Зло существует в частности, но везде преследуется при обнаружении оно. Покровительства или даже послабления злу решительно нет и быть не может. Если министры и другие власти не искореняют вовсе беспорядок и не доводят вверенных им частей до полного совершенствования, то или потому, что для сего не созрели обстоятельства, или потому, что иные злоупотребления, по общему порядку вещей, всегда будут существовать и существуют у всех народов. При благоразумном взгляде и при справедливой уверенности в суждении, можно сказать, что в России по судебной и административной частям нет общих вопиющих притеснений и злоупотреблений; благонамеренные люди более

довольны настоящим положением вещей и спокойно ожидают улучшений в будущем времени; а всем недовольны одни те, которые, по своему беспокойному характеру или неблагодарности, будут недовольны при всяком положении дел».

Мы познакомили читателя с похождениями Медокса и Шервуда, чтобы показать, как легко было в николаевское время устраивать провокации, подводить людей под суд и следствие, получать деньги, ревизовать, имея вместо положительных данных только достаточную долю фантазии. Причины этих явлений обрисованы выше: общественное движение первых десятилетий николаевского царствования было чрезвычайно слабо.

Единственным местом его проявления была литература, и с нею жандармы на первых порах бороться умели. Но когда в 50-х годах поднялась новая революционная волна, волна демократической революции, жандармы оказались бессильны против нее, и прошло много времени, прежде чем они научились распознавать ее отличительные особенности.

Жандармы и литература

Вступая в управление Российской империей, жандармы твердо рассчитывали на «превосходное настроение» русских литераторов. Тем не менее на этом пути уже скоро начинаются разочарования. Писатели оказываются склонными к либерализму, а литература, даже в руках благонамереннейших журналистов, состоящих на службе в самом III Отделении, может развращать умы и способствовать развитию революционных идей. И с самого своего возникновения жандармское ведомство не перестает следить за литературой в самых разнообразных ее проявлениях.

Еще в период следствия над декабристами правительство попыталось установить своих возможных идейных врагов. Каждому члену тайного общества неизменно предъявлялся вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то есть от общества ли, или от внушений других, или от чтения книг и сочинений в рукописях, и каких именно?» Обычно декабристы в ответ на этот вопрос ссылались на иностранных философов, экономистов и публицистов, на личное знакомство с западными конституциями и т. п. Припоминая же подпольную революционную литературу, называли стихи Пушкина, ходившие по рукам и воспламенявшие молодых романтиков вольности.

Отсюда сделан был вывод: нужно усилить цензуру иностранных книг, запретить поездки за границу и печатание в русской прессе сведений об общественной борьбе на Западе, а также покрепче присматривать за А. С. Пушкиным.

«У членов следственной над декабристами комиссии, – пишет исследователь „полицейской“ стороны биографии Пушкина, – уже под влиянием одних этих ответов должно было сложиться определенное впечатление о Пушкине как об опасном и вредном для общества вольнодумце, рассеивавшем яд свободомыслия в обольстительной поэтической форме. С такую же определенной репутацией человека политически неблагонадежного и зловерного должен был войти поэт и в сознание одного из деятельнейших членов упомянутой комиссии – известного генерал-адъютанта Бенкендорфа; такое же представление сложилось о нем и у самого императора Николая I, – как известно, ближайшим и внимательнейшим образом наблюдавшего за ходом следствия и показаниями привлеченных к нему и входившего во все подробности дела. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда вскоре за тем, 25 июня и 8 июля 1826 года, были учреждены Корпус жандармов и III Отделение собственной его величества канцелярии, заменившее особую (полицейскую) канцелярию Министерства внутренних дел, то Пушкин естественным образом и как бы по наследству сразу вошел в круг клиентов новых учреждений „высшей полиции“. Внесенный, конечно, и ранее в списки лиц, бывших под надзором особой канцелярии и ее агентов, как человек, заслуживающий нарочитого внимания, Пушкин сразу сделался предметом особенных попечений»⁷.

За Пушкиным следили все – от мелких тайных агентов вроде поэта С. И. Висковатова, сообщавшего, что Пушкин, живя в Псковской губернии, «проповедует безбожие и неповиновение властям», до самого «коренного жандарма» Николая I, милостиво взявшего на себя труд быть «цензором» поэта. С 1826 года все литературные и жизненные нужды поэта разрешались в канцелярии III Отделения. Туда представлял он свои стихи, смиренно повинуюсь требованиям исправлять их согласно политической и эстетической указке Николая и Бенкендорфа; в III Отделении испрашивал он разрешения на путешествия, на женитьбу... Все последние годы своей жизни должен был он отбиваться от доносов различных литературных шпионов, стремившихся уличить его в революционных происках. Недаром любивший

⁷ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. СПб., 1922. С. 3.

«шипенье пенистых бокалов» поэт сравнивал жженку с Бенкендорфом, «потому что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок».

Непосредственный надзор за Пушкиным был, однако, явлением исключительным, как исключительно было и значение самого поэта. В основном III Отделение занималось не столько писателями, сколько литературой, и в этом направлении развило большую деятельность.

В предыдущей главе мы указали причины слабости общественного движения в николаевскую эпоху. Эти же причины отразились и на характере литературной жизни. Журналы, впоследствии игравшие такую видную роль в деле идейного вооружения революционной интеллигенции, в 20–30-х годах представляют картину полной общественной пассивности. Ставка на провинциального помещика, на городского обывателя, полемика с целью отбить подписчиков, материал для легкого чтения, беззастенчивая погоня за коммерческой выгодой, безудержная самореклама – вот черты, характерные для журналистики 30-х годов. На этом фоне идейные моменты ступшевывались, даже если они, как то было в «Московском телеграфе» Полевого, и присутствовали. Никакой общественной борьбы, никакого сознательного протеста в печатной литературе того времени мы не найдем. Перед нами либо беспринципность, либо открытое угодничество перед властью, славословие царя и пресловутых основ русской государственности – «самодержавия, православия и народности».

Но вместе с тем литература могла явиться и, как мы знаем, в 40-х и 50-х годах и явилась поприщем, на котором концентрировались силы новой социальной группы – мелкобуржуазной демократической интеллигенции. И жандармы, лучше многих современников отдававшие себе отчет в направлении общественного развития, прекрасно учитывали потенциальную силу литературы. Надлежало эту силу обуздать; для этого применены были в основном два метода: цензура и литературный шпионаж.

В предшествующее время цензура существовала на основании сравнительно либерального устава, благодаря чему в печать проникали относительно вольнодумные произведения. В первый же визит министра народного просвещения А. С. Шишкова к новому государю Николай распорядился составить новый цензурный устав. Окончательно цензурный устав был утвержден в 1828 году. Цензура, формально оставаясь в ведении Министерства просвещения, фактически была поставлена под контроль III Отделения. Цензоры не только должны были преследовать все, почему-либо показавшееся им подозрительным, но становились прямыми агентами жандармерии. В особых наказах цензорам было установлено, что «когда бы представлены были кем-либо на рассмотрение цензуры книга или художественное произведение, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то о сем немедленно извещать высшее начальство для учреждения за виновным надзора или же и предания его суду по законам». Высшее начальство – это, разумеется, III Отделение.

Отдельными распоряжениями из ведения обычной цензуры изымались то те, то другие литературные отрасли, передававшиеся в исключительное подчинение III Отделения. Между Министерством народного просвещения и шефом жандармов завязалась даже некоторая борьба, с неравными, впрочем, силами. III Отделение с удовольствием регистрировало все промахи и ошибки цензуры и доводило о них до высочайшего сведения. Отсюда уже летели выговоры министру, аресты и отставки цензорам и т. д. Помимо соображений общеполитических принимались во внимание и личные обиды высокопоставленных особ. Цензура должна была следить за всеми злободневными намеками, чтобы в них не содержалось какой-нибудь «личности». Запуганные и погоняемые жандармским кнутом, цензоры закусили удила; стали придумываться самые диковинные и неожиданные возражения про-

тив представлявшихся книг и статей. В самых невинных произведениях искали скрытый противоправительственный смысл.

Образцом бессмысленной придирчивости может служить сентенция Николая I о статье известного впоследствии славянофила И. В. Киреевского «Деятельность разума». 7 февраля 1832 года Бенкендорф сообщил по этому поводу министру народного просвещения князю Ливену: «Государь Император, прочитав в № 1-м издаваемого в Москве Иваном Киреевским журнала под названием „Европеец“ статью „Деятельность разума“, изволил обратить на оную особое свое внимание. Его Величество изволил найти, что все статьи сии есть не что иное, как рассуждение о высшей политике, хотя в начале оной сочинитель и утверждает, что он говорит не о политике, а о литературе. Но стоит обратить только некоторое внимание, чтобы видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, понимает совсем иное; что под словом „просвещение“ он понимает свободу, что „деятельность разума“ означает у него революцию, а „искусно отысканная середина“ не что иное, как конституция. Посему Его Величество изволил находить, что статья сия не должна была быть дозволена в журнале литературном, в каковом воспрещено помещать что-либо о политике, и как, сверх того, оная статья, невзирая на ее наивность, писана в духе самом неблагонамеренном, то и не следовало цензуре оной пропускать».

Журнал «Европеец» был закрыт. Через шесть дней было отдано общее распоряжение, чтобы при разрешении новых журналов представлялись «обстоятельные сведения о способностях издателя и его благонадежности», то есть, иначе говоря, жандармские справки; сам же Киреевский был отдан под полицейский надзор.

Не нужно было быть Николаем, чтобы прочесть в «деятельности разума» революцию, а в «искусно отысканной середине» конституцию. В подобном чтении упражнялись, с таким же успехом, рядовые цензоры. В исторической литературе собраны десятки курьезов, свидетельствующих о поразительном тупоумии и невежестве николаевских цензоров-жандармов и просто цензоров. Мы не будем утомлять читателя пересказом всех этих курьезов и приведем лишь один, ставший классическим.

Рядовой стихотворец 30-х годов Олин написал лирические «Стансы к Элизе», попавшие на просмотр к цензору Красовскому, который не только запретил стихотворение, но обосновал еще это запрещение критическим рассуждением. Автор, стремясь к своей возлюбленной, мечтает о том, чтобы быть при ней постоянно и «улыбку уст ее небесную ловить». По этому поводу цензор сделал примечание: «Слишком сильно сказано! Женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесною». Лирические строки:

Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной —

отмечены следующим соображением: «Сильно сказано; к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно»; а желание автора уединиться с милой в пустыню было расценено цензором как отлынивание от государственной службы. «Сверх сего, — писал Красовский, — к блаженству можно причастаться только близ Евангелия, а не женщины».

Правда, Красовский выделялся даже в рядах николаевской цензуры. «Человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь гасивший просвещение», — так характеризует Красовского другой, более либеральный цензор, Никитенко, автор известного «Дневника». Но Красовский был только наиболее ярким выражением системы. Как еще мог вести себя цензор, когда, по сообщению того же Никитенко, цензоры получали выговоры за то, что в журнальной статье «святая» была названа «представительницей слабого пола».

Если в таком положении была беллетристика, то легко себе представить, в каком виде доходили до русского читателя статьи публицистического порядка и политическая хроника. Газет, кроме официальных и официозных, не было. В журналах политические статьи пропускаясь лишь при условии абсолютной благонамеренности. Когда в 1830 году произошла июльская революция во Франции, о ней напечатаны были две заметки, изобразившие революцию как добровольный отъезд короля; а когда в 1837 году в «С.-Петербургских ведомостях» была напечатана статья о покушении на жизнь французского короля Луи Филиппа, Бенкендорф немедленно уведомил министра народного просвещения, что считает «неприличным помещением подобных известий в ведомостях, особенно правительством издаваемых, которые расходятся в столь большом количестве между средним классом людей». Цензура избегала вообще всяких печатных упоминаний о царях, запрещала выражения вроде «король скончался», не позволяла упоминать о революциях, республиках и т. п. По словам Никитенко, он однажды не выдержал и предложил во время обсуждения в цензурном комитете статьи о 18-м брюмера следующий вопрос: «Должны ли мы французскую революцию считать революцией, и позволено ли в России печатать, что Рим был республикой, а во Франции и Англии конституционное правление, или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобного на свете не было и нет?»

Остальные цензоры с ученым видом согласились, что «историю и статистику нельзя изменять», и статью пропустили, исключив только выражение «добрые французы» на том основании, что «во Франции тогда не могло быть ни одного доброго человека».

При всем том охранители считали, что цензура еще недостаточно деятельна. Собственно защитников свободы печати мы среди деятелей 30-х годов не найдем. Даже Пушкин, так жестоко страдавший от цензуры и не менее жестоко ее высмеивавший, писал в своем втором послании к цензору:

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.

Тот самый Никитенко, который возмущался тупоумием цензуры, искренно считал, что нельзя печатать на русском языке записки Флетчера о Москве XVI века, потому что читатель сможет провести аналогию между управлением Ивана Грозного и Николая I. Нечего и говорить, что консерваторы-крепостники не только не протестовали против цензуры, но обвиняли ее в попустительстве. Видный представитель николаевской бюрократии, сенатор Н. Г. Дивов, подводя в своем дневнике итог истекшему 1832 году, записал: «Министерство народного просвещения не обладало достаточной энергией, чтобы обуздать периодические издания, содержания самого антимонархического и противного самодержавию. Тайная полиция с ее явными и тайными цензорами, с своей стороны, действовала в сем важном случае *весьма вяло*. Сам граф Бенкендорф как будто находился под обаянием этих писак; можно опасаться последствий этой небрежности».

Таким образом, ни «высшее общество», ни «средний класс», ни сами писатели, по существу, не протестовали против полицейской организации цензуры. Наоборот, некоторые литераторы даже предпочитали переходить под непосредственный контроль III Отделения, рассчитывая на большую независимость и меньшую осведомленность жандармов по сравнению с обычными цензорами. И, как правильно замечает М. К. Лемке, «самое нахождение массы писателей николаевского времени в рядах цензоров (Сенковский, Аксаков, Вяземский, Глинка, Тютчев, Никитенко, Очкин и др.) служит разительным доказательством» отсутствия разногласий между литературной средой и жандармским начальством.

Эту в общем охранительную позицию литературы жандармы отлично понимали. Поэтому при сравнительно большом числе запрещений отдельных произведений мы находим в практике III Отделения не так много преследований самих литераторов. Жандармы полагались на добросовестность писателей и знали, что если сегодня Кукольникову сделать выговор за рассказ, в котором он «выказывает добродетель податного состояния и пороки высшего класса», то завтра тот же Кукольник постарается и состряпает что-нибудь настолько патриотическое, что удостоится высочайшего поощрения и бриллиантового перстня. Поэтому выговоры делались всем, вплоть до Булгарина, а к наказаниям прибегали только в исключительных случаях. Эта уверенность жандармов в «общем благополучии» впоследствии помогла вышедшей в 40-х годах фаланге демократической литературы пережить николаевское время. Усматривая в статьях Белинского призывы к «социализму и коммунизму», III Отделение не считало, однако, возможным обвинить его в сочувствии этим идеям. «Нет сомнения, что Белинский и Краевский и их последователи пишут таким образом единственно для того, чтобы придать больший интерес статьям своим, и нисколько не имеют в виду ни политики, ни коммунизма; но в молодом поколении они могут поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме».

Без учета этой точки зрения III Отделения на литераторов и литературу нельзя понять и особенностей организации литературного шпионажа. III Отделение очень охотно принимало в число своих агентов писателей. При этом имелось в виду, что сотрудники такого типа стоят значительно выше обычных шпионов и по квалификации, и по общественному положению. Агенты эти выполняли не только литературные функции, но должны были и сигнализировать общественные настроения различных кругов. Что же касается литературы, то в этом отношении литераторы помогали и как осведомители, и как добровольные цензоры. Во главе литературной агентуры стояли известные журналисты Греч и Булгарин. Они были наиболее осведомленными и вместе с тем самыми усердными сотрудниками, буквально заваливавшими III Отделение доносами, рассуждениями, предложениями и т. п. Знакомясь с этого рода деятельностью «братьев-разбойников», как называли Греча и Булгарина в литературной среде, мы, однако, с удивлением замечаем, как мало внимания уделяли жандармы их писаниям. Если бы все их доносы, тайные и явные, посланные в жандармерию и напечатанные на страницах их изданий, принимались во внимание, то в России не осталось бы, пожалуй, ни одного сколько-нибудь видного писателя. Очевидно, жандармы понимали, что Булгарин и Греч руководятся не только верноподданническими чувствами, но под шумок сводят счеты со своими конкурентами и литературными противниками... Знало III Отделение также, что шпионская деятельность друзей-журналистов общеизвестна и что никто не станет доверять им политических тайн. Но пользовались услугами, так как люди они были старательные и осведомленные и в борьбе жандармов с возможным литературным злом могли пригодиться. Иногда же выговоры получали и они сами; это было даже целесообразно с точки зрения общественной популярности. Так, Герцен 5 апреля 1843 года с удовольствием занес в свой дневник: «Греч подавал донос на „Отечественные записки“, и III Отдел[ение] собств[енной] канцелярии, отвергнув его с презрением, написало ему полный ответ. Литератор, уничтоженный, замятый в грязь Дубельтом!»

Литераторы в жандармской службе нужны были также и в целях воздействия на общественное мнение. III Отделение очень часто заказывало патриотические статьи и книги, диктовало освещение политических событий в периодической печати. Когда в 1846 году, по недосмотру Булгарина, в «Северной пчеле» была помещена баллада графини Ростопчиной «Насильный брак», изображавшая отношения между Россией и Польшей, Нестор Кукольник, по заказу III Отделения, изготовил стихотворный же ответ. В этом смысле III Отделение действовало довольно тонко, и читатели только могли изумляться, почему либеральные

«Отечественные записки» вдруг раздражаются урапатриотической статьей: на самом деле такие статьи писались «по рекомендации» III Отделения.

Немалый интерес проявляли жандармы и к европейской печати. Об оценке русских событий на Западе начали думать сразу после декабрьского восстания. В соответствующем духе информировались западные газеты, а сразу после казни декабристов была изготовлена брошюра на немецком языке, излагавшая историю восстания с официальной точки зрения. С начала 30-х годов в Германию, Австрию и Францию направляются специальные чиновники «с целью опровергать посредством дельных и умных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой». На этой почве отчасти и зародилась заграничная агентура, о которой мы говорили выше. Первый заграничный шпион III Отделения, Яков Толстой, и начал свою службу литературной защитой русского престола. Впоследствии этот способ обработки западного общественного мнения, вместе с подкупом иностранных изданий, вырос в целую систему.

Как мы сказали, политических гонений против литераторов непосредственно III Отделение воздвигало немного. Обычно ограничивались запрещением неудачливому автору писать, да и эти запрещения было сравнительно нетрудно ликвидировать. Просматривая хронику взаимоотношений николаевских жандармов и литературы, мы находим только три громких политических дела. Из них самым значительным нужно признать эпизод с напечатанием Надеждиным в 15-й книжке «Телескопа» за 1836 год знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Надеждин, редактор издания, не заметил социальной направленности «письма», автор которого, жестоко обличая русское прошлое, тем самым делал выводы и для настоящего. По мнению Чаадаева, Россия не имеет истории, потому что ее не коснулась цивилизация. В России нет ни долга, ни закона, ни правды, ни порядка. «Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разума и исказили все, что сообщило нам это совершенствование. Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве».

Чаадаев, конечно, далеко недооценивал пройденного Россией исторического пути. Но дело не в этом. Нельзя было резко разойтись с официальной точкой зрения, считавшей, что «прошлое России изумительно, настоящее более чем превосходно, а будущее не поддается описанию». Письмо Чаадаева, по словам Герцена, было «выстрелом, раздавшимся в темную ночь», и, конечно, разбудило ночных стражей. Поднялась, как выражается Никитенко, «ужасная суматоха». «Телескоп» был запрещен, цензор Болдырев отставлен от службы, а редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск. Что касается Чаадаева, то к нему была применена резолюция Николая: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной – смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...» Жандармы не могли примириться с тем, чтобы российский дворянин и отставной гвардии ротмистр мог в здравом уме и твердой памяти признать все прошлое и настоящее России никуда не годным. Решено было... считать Чаадаева сумасшедшим! В этом смысле и было составлено отношение Бенкендорфа к московскому военному генерал-губернатору князю Голицыну. Отношение это мы приводим целиком как непревзойденный образчик жандармского лицемерия: «В последневыхшедшем № 15-м журнала „Телескоп“ помещена статья под названием „Философические письма“, коей сочинитель есть живущий в Москве г. Чеодаев. Статья сия, конечно, уже Вашему сиятельству известная, возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унижить себя до такой степени, чтоб нечто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающиеся чистым, здравым смыслом и

будучи преисполнены чувством достоинства русского народа, тотчас постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественником их, сохранившим полный свой рассудок, и потому, как дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодования против г. Чеодаева, но, напротив, изъявляют искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей. Здесь получены сведения, что чувство сострадания о несчастном положении г. Чеодаева единодушно разделяется всею московской публикой. Вследствие сего Государю Императору угодно, чтобы Ваше сиятельство, по долгу звания Вашего, приняли надлежащие меры к оказанию г. Чеодаеву всевозможных попечений и медицинских пособий. Его Величество повелевает, дабы Вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чеодаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха; одним словом, чтобы были употреблены все средства к восстановлению его здоровья, – Государю Императору угодно, чтобы Ваше сиятельство о положении Чеодаева ежемесячно доносили Его Величеству».

С меньшим шумом прошла расправа над Лермонтовым за стихи 1837 года на смерть Пушкина. Поэт был переведен на Кавказ, откуда, благодаря заботам влиятельных родственников, вскоре вернулся обратно. Знакомство с жандармами, по-видимому, произвело на Лермонтова должное впечатление, и, отправляясь на Кавказ вторично, после дуэли с Барантом, он рассчитался со своими преследователями знаменитыми строками:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Третье литературно-политическое дело замечательно тем, что пострадал по нему не писатель, а управляющий III Отделением. В 1839 году был выпущен первый том сборника «Сто русских литераторов». В числе прочих произведений были напечатаны три вещи незадолго перед тем погибшего на Кавказе декабриста А. А. Бестужева. К ужасу властей, автор был назван не обычным своим псевдонимом Марлинский, а полным именем, отчеством и фамилией, и к изданию был приложен портрет Бестужева. Поднялся страшный переполох. Цензура получила экстренный запрос: «Кто осмелился пропустить портрет Бестужева?» На проверку оказалось, что виновником является не кто иной, как сам старший инквизитор А. Н. Мордвинов, по небрежности пропустивший портрет в печать. Под Мордвинова уже давно подкапывался его соперник, начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, и Мордвинов был отрешен от должности.

В таких формах протекала борьба с литературной крамолой до 1848 года. С конца 40-х годов оживляется общественная борьба, оживляется и литературная жизнь. В русскую публицистику вступает поколение мелкобуржуазной демократии с ее утопически-социалистическими теориями и политическим радикализмом. Жандармы почувствовали струю свежего воздуха, но не сумели определить, из какой щели она идет. И здесь III Отделение пошло по стопам своих предшественников. Вся беда в растленном Западе, где происходят революции и низвергаются законные власти; оттуда приходят и коммунистические теории. Нужно было плотно забить «окно в Европу».

Уже цитированный нами отчет о деятельности III Отделения за пятьдесят лет следующим образом изображает положение дел к этому времени:

«Собственно в России не было никакого повода опасаться волнений или беспорядков. Общее настроение русского общества отличалось не только полным спокойствием, но даже некоторою вялостью. Еще в 1843 году наблюдение указывало, что „высшее общество, которое в прежнее время позволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля и порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие; то же самое замечается и в других слоях общества: все как будто поражены какою-то апатиею“. Но и в этом апатическом обществе молодежь не могла оставаться ко всему безучастною, и в среде ее начинали мало-помалу распространяться учения, увлекавшие юные умы новизною...

В видах охранения нашего отечества от наглых разрушительных теорий, волновавших Западную Европу, высочайше повелено было принять решительные и энергические меры, большая часть коих была возложена на III Отделение: последовало распоряжение о строжайшем наблюдении за всеми иностранцами, в особенности же за французами, проживающими в пределах империи; запрещен был въезд в Россию первоначально французам, а вскоре и прочим европейцам, за весьма незначительными исключениями; русским подданным выезд за границу разрешался не иначе как по особо важным, исключительным причинам, тем же, которые находились уже за границей, сделано было приглашение возвратиться в отечество; ввоз иностранных книг был подвергнут новым правилам, лишившим книгопродавцев возможности с прежней легкостью распространять запрещенные сочинения; произведены были обыски во многих книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы, Риги и Дерпта, причем найденные в значительном числе недозволенные цензурою книги были конфискованы, а виновные книгопродавцы преданы суду; усилено наблюдение за ходом воспитания в России, за литературою и особенно за журналистикою; учреждены особые комитеты – один для рассмотрения всех русских журналов последних лет и другой для наблюдения за всеми журналами и книгами, выходящими в России; повелено дополнить цензурный устав, а цензорам подтверждено обращать бдительное внимание на журнальные статьи».

Учреждение специального цензурного комитета (названного по имени его председателя Бутурлинским) открыло собой «эпоху цензурного террора», продолжавшуюся до 1855 года. В этот период арестовывается и ссылается целый ряд писателей (Салтыков, Самарин, Тургенев), придирчивость цензуры доходит до своего апогея, в «коммунизме» обвиняются самые благонамеренные авторы. Запрещалось не только следовать социалистическим идеям, но даже опровергать их, потому что в процессе полемики приходится излагать и «самые правила этих систем, ложные для ума зрелого и благонамеренного, но всегда вредные в чтении людей легкомысленных».

Но от этих дел III Отделение стояло уже несколько в стороне. Оно оставило за собою верховный надзор за литературой, но основную работу передало цензурному комитету. Теперь жандармы интересуются уже не столько литературой, сколько литераторами. На деле петрашевцев с идиллией пришлось расстаться. В 1848 году Дубельт еще не мог предположить, чтобы Белинский был сознательным проповедником социалистических взглядов. В 1849 году он искренно огорчился, что Белинский умер и нельзя его вместе с петрашевцами сослать на каторгу. Но, поняв происшедшую перемену, жандармы предпочли сдать в другие руки хлопотливое дело литературной цензуры, оставив за собой надзор и возможность уличать чиновников цензурного комитета в оплошностях. Это было тем более своевременным, что следить за литературой становилось все труднее: русские публицисты того времени превосходно изучили тонкости так называемого «эзоповского» языка и искусно действовали по рецепту, впоследствии сформулированному Некрасовым:

Переносится действие в Пизу,
И спасен многотомный роман.

Будни III отделения

Мы остановились на той стороне деятельности III Отделения, которая имела непосредственный политический характер. Но политические дела, настоящие или мнимые, бывали не так часты в жандармской практике. Это были праздники, сулившие повышения и награды, дававшие возможность разворачивать работу, сыпать всеподданнейшими докладами, отправлять фельдъегерей во все концы страны, – словом, суесться и производить патриотический шум. Праздники эти по возможности затягивались, в случае долгого отсутствия изобретались, но все-таки бывали не каждый день. А между тем люди, служившие в «здании у Цепного моста», без работы никогда не сидели. Наоборот, учреждение это было чрезвычайно деловое.

Просматривая описи архива III Отделения, поражаешься той бездне совершенно незначительных и никакого государственного значения не имевших дел, которыми занимались жандармы. В своем стремлении охватить всю жизнь населения они вмешивались решительно во всякое дело, куда представлялась возможность вмешаться. Семейная жизнь, торговые сделки, личные ссоры, проекты изобретений, побег послушников из монастырей – все интересовало тайную полицию. В то же время III Отделение получало огромное количество прошений, жалоб, доносов, и по каждому шло расследование, на каждое заводилось особое дело.

Мы не будем особенно долго задерживать читателя на характеристике жандармских будней. Хотя количественно дела такого рода и занимали основное место в работе надзора, но для нас они не представляют интереса. Все же нужно сказать несколько слов и о них – для полноты картины.

Занимавшиеся этими мелкими делами жандармы не считали своей работы малозначительной. Наоборот, в отчете о пятидесятилетии III Отделения с удовлетворением констатируется, что «эта часть делопроизводства Отделения отличалась особенно обширностью, так как в сороковых годах ежегодно поступало от двух до пяти с половиной тысяч просьб, кроме всеподданнейших прошений, подаваемых во время высочайших путешествий, число коих колебалось между четырьмя и десятью тысячами. От лиц всех сословий без изъятия как русских подданных, так и иностранцев, проживающих и в России и за границей, поступали просьбы и жалобы по частным делам самого разнообразного содержания».

Далее отчет дает сжатую классификацию этих просьб и жалоб. Хотя классификация эта и не является исчерпывающей, но все же она дает представление о широте и разнообразии жандармских интересов.

«Предметами просьб были в особенности:

- а) содействие к получению удовлетворения по документам, не облеченным в законную форму;
- б) освобождение от взысканий по безденежным заемным письмам и тому подобным актам;
- в) пересмотр в высших судебных местах дел, решенных в низших инстанциях, остановление исполнения судебных постановлений, отмена распоряжений правительственных мест и лиц;
- г) восстановление права апелляции на решения судебных мест;
- д) домогательство о разборе тяжёбных дел вне порядка и правил, установленных законами;
- е) помещение детей на казенный счет в учебные заведения;
- ж) причисление незаконных детей к законным вследствие вступления родителей их в брак между собою;

- з) назначение денежных пособий, пенсий, аренд и наград;
- и) рассрочка и сложение казенных взысканий;
- и) возвращение прав состояния, облегчение участи состоящих под наказанием, освобождение содержащихся под стражею;
- к) с представлением проектов по разным предприятиям и изобретениям.

Жалобы были двух родов:

- 1) на поступки частных лиц и 2) на действия присутственных мест и должностных лиц.

Жалобы первого рода преимущественно подавались:

- а) на личные оскорбления;
- б) на нарушение супружеских обязанностей с просьбами жен о снабжении их видами для отдельного проживания и обеспечения их существования на счет мужей;
- в) на обольщение девиц;
- г) на неповиновение детей родителям и на злоупотребление родительскою властью;
- д) на неблагоприятные поступки родственников по делам о наследстве;
- е) на злоупотребление опекунов;
- ж) по делам о подлоге и несоблюдении форм в составлении духовных завещаний и з) помещиков на крестьян и обратно.

Жалобы второго рода преимущественно обращены были:

- а) на бездействие или медлительность по денежным взысканиям;
- б) на пристрастие, медленность и упущения при производстве следствий при рассмотрении дел гражданских и уголовных, при исполнении судебных решений и приговоров и в) на оставление просьб и жалоб без разрешения со стороны начальствующих лиц.

В некоторых просьбах и жалобах заключались, кроме того, указания на злоупотребления частных лиц по взносам казенных пошлин, по порубке, по поджогу казенных лесов, по питейным откупам, по подрядам и поставкам и т. п.».

Далеко не всегда III Отделение ожидало, пока жалобщик или проситель обратится к нему как к высшей государственной инстанции. Местные полицейские власти аккуратно доносили о «всех вообще происшествиях», и часто внимание начальства останавливали самые пустяковые подробности. Где-нибудь крестьяне сообщили местным властям, что им известно подземелье, в котором хранится клад. Дело не может обойтись без участия жандармского офицера. На прикомандирование такого офицера испрашивается разрешение центра. Шеф жандармов пишет доклад императору. Николай решает: «Объявить доносителям, что если вздор показывают, то с ними поступлено будет, как с сумасшедшими (читатель уже успел заметить, что сумасшедшие в те времена определялись высочайшими резолюциями. — *И. Т.*); хотя ли на сие решиться, и если настаивать будут, то послать».

К крестьянам прикомандировывается жандармский подполковник, и все вместе отправляются на поиски клада, которого, конечно, не находят. Напуганные заварившейся вокруг этого дела кутерьмой крестьяне каются, что судили по преданию и приметам, что «сами в погребе не были, а поверили другим и что, впрочем, подземельных сокровищ без разрыв-травы открыть нельзя». Дело опять движется по инстанциям и снова доходит до верховного жандарма. Царское слово не может быть нарушено, и новая высочайшая резолюция гласит: «Так как было им обещано, что с ними поступлено будет, как с лишенными ума, то послать их на год в ближний смиренный дом».

Дел такого масштаба, прошедших через III Отделение и представленных на высочайшее разрешение, тысячи. Но особенно опекали жандармы нравственность и семейный мир населения. Николай, постоянно изменявший своей жене и обративший дворцовых фрейлин в султанских одалисок, страшно беспокоился о моральных устоях своих подданных. В этом отношении очень показательна рассказанная П. Е. Щеголевым история о «любви в равелине».

В мае 1851 года, когда Николай Павлович по важным государственным делам находился в Варшаве, в столице произошло событие, никакого политического значения не имевшее. Отставной гвардейский офицер князь Трубецкой увез в неизвестном направлении жену сына коммерции советника Жадимировского. О деле узнали в III Отделении, и Дубельт сообщил в очередной эстафете шефу жандармов Орлову. Обычным порядком было доложено императору, который распорядился во что бы то ни стало поймать беглецов. И III Отделение пришло в движение. По разным направлениям помчались жандармские офицеры, зашевелились местные власти, в столицу отправились экстренные курьеры. Николай все время следил за ходом дела. Наконец в одном из кавказских портов злополучная чета, собиравшаяся переправиться за границу, была найдена и доставлена оттуда в Петербург. Жадимировскую вернули мужу, а Трубецкого засадили в Алексеевский рavelин, откуда он вышел уже разжалованным рядовым; и только шесть лет спустя, в 1857 году, Трубецкой смог соединиться с любимой женщиной.

Мы обращаем внимание читателя не на роман, трогательно описанный П. Е. Щеголевым, а на отношение к этому роману жандармских властей. Из-за частного бытового дела приводится в движение вся машина высшей полиции, тратится несколько тысяч казенных денег, отвлекается от дела местная администрация. Зато закон и религия торжествуют и официальный порок наказан.

В этой шумной суете по маленьким делам и проходили труды и дни III Отделения. Среди семейных дрызг, судебных жалоб и ложных доносов (говорят, по субботам жандармы устраивали сожжения доносов за неделю) некогда было пожаловаться на безделье. Наоборот, штат приходилось все время увеличивать. И Николай Павлович мог быть доволен: жандармы работают на пользу отечества не покладая рук, «шпионская контора» пишет...

Люди и нравы III отделения

Мы характеризовали круг действий III Отделения и тот «блестяще организованный беспорядок», к которому фактически сводилась его государственная работа. Напоследок остановимся на некоторых бытовых штрихах жандармской жизни и на ее руководителях.

С основания III Отделения и до своей смерти шефом жандармов был граф А. Х. Бенкендорф. В 1844 году его сменил граф (впоследствии князь) А. Ф. Орлов.

Александр Христофорович Бенкендорф выдвинулся в качестве храброго боевого генерала еще при Александре I и в 1819 году получил звание царского генерал-адъютанта. Уже в это время он обнаружил вкус к делу тайной полиции, но поощрения не получил. 14 декабря 1825 года он командовал частью правительственных войск, затем был назначен членом следственной комиссии по делу декабристов. На этом посту он сблизился с молодым царем, только начинавшим испытывать свои полицейско-следовательские дарования. Мы уже знаем записку, представленную Бенкендорфом об организации Министерства полиции. За все эти заслуги на него, как из рога изобилия, посыпались царские милости. Он не только стал ближайшим другом императора и начальником самого значительного государственного учреждения, но получил ряд менее почетных, но не менее существенных подношений в виде десятков тысяч десятин земли, крепостных душ и проч.

17 лет стоял Бенкендорф во главе III Отделения и, как это ни странно, не сумел приобрести не то что любви, а даже ненависти со стороны угнетавшихся III Отделением. Объяснялось это тем, что очень скоро для всех стало ясно, что Бенкендорф фактически играет очень незначительную роль в жандармских делах. Это был человек дряблой воли, лишенный каких бы то ни было государственных дарований, кроме безграничной преданности царю и умения снискать его дружбу. О его рассеянности ходили анекдоты самого невероятного свойства – вплоть до того, что он забывал свою фамилию и никак не мог вспомнить ее без помощи визитной карточки. В делах Бенкендорф был большим путаником, да к тому же плохо понимал их сущность. Его отношение к государственным вопросам прекрасно иллюстрируется следующим рассказом в записках барона М. А. Корфа:

«Однажды в Государственном совете министр юстиции, граф Панин, произносил очень длинную речь. Когда она продолжалась уже с полчаса, Бенкендорф обернулся к соседу своему, графу Орлову, с восклицанием:

– *Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler!*⁸

– Помилуй, братец, да разве ты не слышишь, что он полчаса говорит против тебя?

– В самом деле? – отвечал Бенкендорф, который тут только понял, что речь Панина есть ответ и возражение на его представление.

Через пять минут, посмотрев на часы, он сказал: „*A présent adieu, il est temps que j'aille chez l'empereur*“⁹, – и оставил другим членам распутывать спор его с Паниным по их усмотрению».

Так характеризуют Бенкендорфа вполне благожелательные к нему мемуаристы. Даже верный лакей III Отделения Греч именуется его «бестолковым царедворцем», «добрым, но пустым». В том же собственно направлении мы можем найти отзывы и из противоположного лагеря. Так, Герцен сделал следующую зарисовку наружности и внутренних качеств шефа жандармов:

«Наружность шефа жандармов не имела в себе ничего дурного; вид его был довольно общий остзейским дворянам и вообще немецкой аристократии. Лицо его было измято,

---

⁸ Черт возьми, вот это я называю уметь говорить! (*фр.*)

⁹ Ну, прощай, мне пора к императору (*фр.*).

устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право мешаться во все, – я готов этому верить, особенно вспоминая пресное выражение его лица, – но и добра он не сделал, на это у него не доставало энергии, воли, сердца».

Немудрено, что, обладая такими свойствами, Бенкендорф ограничивался представительством своего учреждения, не вмешиваясь детально в его дела. Подчиненные быстро сообразили, что угодить шефу можно быстрыми и твердыми ответами, хотя бы взятыми с потолка, и все шло хорошо. Сам же Бенкендорф пребывал в неизменном сознании блестящей налаженности подчиненного ему аппарата и собственной незаменимости.

Преемник Бенкендорфа, Алексей Федорович Орлов, ничем не превосходил его в смысле государственных способностей, а по уму и опыту даже уступал. Единственной его заслугой была дружба с царем. В практической же деятельности он отличался полной ленью и никакого, собственно, отпечатка на физиономию III Отделения не наложил... Заведенная при Бенкендорфе система осталась в полной сохранности, и только докладывал вместо умершего шефа новый.

Современники сразу поняли, почему во главе тайной канцелярии стоят полнейшие ничтожества. Вспоминая о смерти начальника александровской полиции Милорадовича, который, умирая, заботился о своем старом враче, Герцен писал:

«Прозаическому, осеннему царствованию Николая не нужно было таких людей, которые, раненные насмерть, помнят о старом лекаре и, умирая, не знают, что завещать, кроме просьбы о сыне приятеля. Эти люди вообще неловки, громко говорят, шумят, иногда возражают, судят вкривь и вкось; они, правда, готовы всегда лить свою кровь на поле сражения и служить до конца дней своих верой и правдой; но войны внешней тогда не предвиделось, а для внутренней они неспособны. Говорят, что граф Бенкендорф, входя к государю, – а ходил он к нему раз пять в день, – всякий раз бледнел: вот какие люди нужны были новому государю. Ему нужны были агенты, а не помощники, исполнители, а не советники, вестовые, а не воины. Он никогда не мог придумать, что сделать из умнейшего из всех русских генералов, Ермолова, и оставил его в праздности доживать век в Москве».

Николай не потерпел бы около себя даже тупой, но упорной воли Аракчеева, не говоря уже о талантах, подобных Сперанскому. Он хотел править единодержавно в полном смысле этого слова, хотел лично разрешать все без исключения государственные дела. Для этого он и учредил «собственную канцелярию», во главе которой ставил людей, единственным качеством которых была их преданность царю. Все почти дела III Отделения разрешались императором, и жандармы далеко не всегда могли заранее учесть, как обернется то или другое дело. Поэтому, говоря о людях III Отделения, мы не должны забывать и старшего жандарма – императора Николая Павловича. Чтобы познакомить читателя с этим родом его деятельности, приведем несколько типичных резолюций по различным делам III Отделения (выше уже продемонстрированы два-три образчика царского творчества).

Николай очень любил тешить в себе иллюзию, что массы любят его. Поэтому он очень опасно относился ко всяким подававшимся на его имя просьбам и не любил, когда эти просьбы читались другими. В январе 1828 года шеф жандармов доложил, что «воронежский преосвященный Антоний объявил полковнику к. ж. Волкову, что в домашней его церкви найден запечатанный конверт со вложением пакета, также запечатанного, на высочайшее имя. Для скорейшего разыскания и открытия сочинителя сих бумаг они решились распечатать пакет на высочайшее имя и нашли в нем одни необдуманные предложения насчет преобразования некоторых частей управления».

Дело было довольно обычное: записок с жалобами на административные и судебные инстанции в те времена подавалось бесконечное множество. Николая возмутило не беспра-

вие населения, вынужденного прибегать к таким способам жалоб, а поведение местного начальства, осмелившегося распечатать письмо на высочайшее имя. Резолюция гласила: «Поступлено неправильно, ибо всякая бумага на мое имя должна доходить до меня в целости. Сделать строжайший выговор подполк[овнику] Волкову и преосв [ященству] Антонию за то, что смели распечатать бумагу, писанную на мое имя».

Очень часто приходилось Николаю выслушивать просьбы о смягчении участи декабристов и польских повстанцев, но обычные резолюции лаконически гласили: «рано», «не заслужил», «подождать». С неменьшей нетерпимостью относился он и к более скромным вопросам, нарушавшим казарменный строй жизни империи. В этом смысле очень показательны его резолюции по делам о выезде за границу. Так, в 1832 году отставной поручик Шемиот просил разрешения ехать лечиться в Мариенбад. В прошлом у поручика был криминал (дуэль), и Николай решил, что Шемиоту достаточно съездить к Кавказским Водам. Не любил он также, когда его подданные предпринимали заграничные путешествия с образовательной целью: этим косвенно порицалась русская школа. В 1834 году генерал-губернатор барон Пален, по просьбе рижского купца фон Бульмеринга, ходатайствовал о «дозволении отдать в Любскую торговую академию, для усовершенствования в торговых науках, на один год шестнадцатилетнего сына его Александра, который готовится им в торговое звание». На докладе по этому делу мы читаем не резолюцию, а окрик: «Нет; а барону Палену заметить, чтобы впредь не смел входить с подобными представлениями, противными закону».

За многообразными занятиями своими Николай не забывал и литературы. Он сам был «цензором» Пушкина, считал себя просвещенным любителем искусства и, при случае, контролировал обычную цензуру. Прочитав сборник «Русских сказок» Даля, он нашел в нем «дурное направление мысли» и предписал шефу жандармов: «Не мешает удостовериться, что за занятия автора и с кем оный знаком; уведомить меня об этом, а завтра вечером можно будет взять его с бумагами».

Позер и лицемер, Николай любил приобретать популярность мелким великодушием. Вскоре после казни декабристов ему донесли, что крестьянин Владимирской губернии Василий Гаврилов предан уголовному суду за слова: «У нас нет государя». Суд приговорил Гаврилова к 50 ударам плети. На докладе по этому делу красуется одно слово: «Простить».

Из Житомирской крепости бежал государственный преступник граф Олизар. Старый майор, комендант крепости, был предан военному суду и разжалован в солдаты. Сыновья майора обратились с просьбой разрешить им принять на себя отцовское наказание. Последовала резолюция: «Во уважение благородного подвига сыновей отца простить, но с тем, чтобы никуда не определять».

Если эти и подобные им резолюции и вытекали из демагогического расчета, то вот образец интимного лицемерия, лицемерия наедине с самим собой. В Иркутской губернии находился в ссылке старик-декабрист барон В. И. Штейнгель. Глубоко религиозный человек, он ожидал смерти и хотел «простить врагам своим» и получить от них такое же прощение. По просьбе Штейнгеля Бенкендорф вошел с ходатайствованием о «прощении ему в сердце государя». И Николай, до конца жизни не устававший преследовать декабристов, великодушно ответил: «Давно в душе простил его и всех».

Приведенные примеры, конечно, не исчерпывают всего разнообразия жандармских интересов императора, но они дают представление, до каких деталей доходило его внимание. А так как ведомств было много и по каждому Николай имел свое мнение, то фактически он ни одного не имел возможности направить. И движущей пружиной III Отделения на практике являлся очередной помощник шефа жандармов, сначала носивший звание директора канцелярии, а потом управляющего III Отделением. Таких помощников в николаевское время сменилось три: М. Я. фон Фок, А. Н. Мордвинов и Л. В. Дубельт.

Организатором III Отделения был Фок. То был старый полицейский волк, начавший службу еще при Балашове и под непосредственным руководством де Санглена. Воспитавшись в школе последнего, он сменил его и оставался на посту директора канцелярии сначала Министерства полиции, а потом внутренних дел и со всем своим аппаратом перешел в III Отделение. «Я был знаком с директором особенной канцелярии министра внутренних дел (что ныне III Отделение канцелярии государя) Максимом Яковлевичем фон Фоком, – писал Н. И. Греч, имевший, правда, особые причины симпатизировать столпам жандармского корпуса, – с 1812 года и пользовался его дружбою и благосклонностью. Он был человек умный, благородный, нежный душой, образованный, в службе честный и справедливый... Бенкендорф был одолжен ему своею репутацией ума и знания дела...» Оставляя в стороне панегирик Фоку (хотя не только Греч, но и почти все мемуаристы того времени отзываются о нем довольно сочувственно¹⁰), мы не можем пройти мимо последнего замечания Греча, человека достаточно сведущего во внутренних взаимоотношениях III Отделения.

Фок явился в III Отделение во всеоружии полицейских методов александровского периода. Но времена настали иные. Возвысив полицию до роли высшего государственного органа страны, Николай стремился придать ей некоторое благообразие. Недаром сохранился анекдот о платке для утирания слез обездоленных, который был им вручен Бенкендорфу в качестве инструкции.

Старые полицейские методы вызывали недовольство дворянства, и, перестраивая полицейский аппарат, правительство стремилось вовлечь побольше офицеров и дворян, привлечь интерес благородного сословия к жандармской службе. «Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды», – писал Бенкендорф в цитированной выше записке 1826 года. Деятели старой школы недоумевали и не могли воспринять нового направления. В 1829 году великий князь Константин писал Бенкендорфу: «Вам угодно было написать мне о жандармской службе в бывших польских провинциях и сообщить также о выгодах, кои последовали бы для этой службы в Вильне, если бы штабс-капитан Клемчинский мог быть назначен туда в качестве адъютанта при начальнике отдела; тем более, что, будучи уроженцем края, он мог бы иметь удобнейшие отношения в нем, при своих связях, интересах и родстве, а также благодаря хорошей репутации, которою он там пользуется».

По мнению великого князя, именно эти причины свидетельствовали о непригодности этого офицера. Но искавшее популярности у дворянства правительство шло своим путем. Недаром Герцен заставляет председателя уголовной палаты говорить о Бельтове: «Мне, сказать откровенно, этот господин подозрителен: он или промотался, или в связи с полицией, или сам под надзором полиции. Помилуйте, тащиться 900 верст на выборы, имея 3000 душ!» Богатый и образованный помещик был, конечно, желанным рекрутом для жандармских вербовщиков¹¹.

Фок быстро почуял новую моду и начал к ней приспосабливаться. В своих письмах Бенкендорфу летом 1826 года он рекомендует шефу новых сотрудников, набираемых из рядов

---

¹⁰ Пушкин даже занес в свою записную книжку по поводу смерти Фока: «Смерть его есть бедствие общественное».

¹¹ Приводим выписки из писем М. Я. Фока к А. Х. Бенкендорфу, свидетельствующие о требованиях, предъявлявшихся III Отделением к своим агентам. 17/VII 1826 г. – Фок останавливается на характеристике новых агентов: «Г[осподин] Нефедьев имеет деревню под Москвой, где ему необходимо быть по домашним обстоятельствам. Это очень благоприятно для нашего дела. С этим господином не знаешь никаких затруднений: ни жалованья, ни расходов. Услуги, которые он может оказать нам, будут очень важны вследствие его связей в высшем и среднем обществах Москвы. Это будет ходячая энциклопедия, к которой всегда удобно обращаться за сведениями относительно всего, что касается надзора... Нефедьев – статский советник и имеет орден Св [ятого] Владимира 3-го класса; он честолюбив и жаждет почестей... Граф Лев Соллогуб... может принести нам большую пользу в Москве, посредством своего брата и своих родных. С этим человеком также никакого жалованья, никаких расходов... Предложение его – действовать заодно с „надзором“, цель же – быть покровительствуемым во всем, что касается ведения интересующего его дела. Граф – человек скромный и способный выполнять даваемые ему поручения» (Русская старина. 1881. Т. XXXII. С. 168).

столичного и провинциального дворянства... При Фоке начался процесс создания благородного и чувствительного полицейского в голубом мундире, но окончить создание этого типа Фок не мог: слишком крепка была в нем привязанность к старым методам работы, к агентам, набираемым из подонков общества, покупаемым деньгами и угрозами.

В 1831 году Фок умер и был заменен Мордвиновым. К сожалению, мы не располагаем данными о роли Мордвинова в III Отделении. Характеристику его, мимоходом, дал Герцен, считавший, что Мордвинов был единственным в жандармской среде «инквизитором по убеждению». Но уже в период владычества Мордвинова фигура его стала отходить на задний план по сравнению с им же рекомендованным Дубельтом. Кончилось тем, что Дубельт заменил Мордвинова и надолго олицетворил в себе одно все III Отделение.

Леонтий Васильевич Дубельт был фигура незаурядная. Вряд ли кто-нибудь из его коллег удостоился бы характеристики, подобной той, которую он получил от Герцена: «Дубельт – лицо оригинальное, он наверно умнее всего Третьего и всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттененное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т. е. выражали тонкую смышленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость».

В 20-х годах Дубельт был свободомыслящим: он состоял членом двух масонских лож и даже был привлечен по делу декабристов. Может быть, и не без труда сменил Дубельт свой армейский мундир на жандармскую лазурь, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют скорее о высокой степени лицемерия пред самим собой, чем о борьбе страстей в этот знаменательный момент его жизни. Жене своей, боявшейся, что он замазает свое имя и честь жандармской службой, он писал: «„Не будь жандарм“, – говоришь ты! Но понимаешь ли ты, понимает ли Александр Николаевич (Мордвинов. – И. Т.) существо дела? Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе мое имя, конечно, будет запятнано. Но ежели, напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных, ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёлым делам прямое и справедливое направление, – тогда чем назовешь ты меня?»

Мы знаем, как мало вмешивался Дубельт в «дела, относящиеся до внутренней полиции». И только особому, свойственному ему сентиментальному лицемерию можно приписать и эти чувствительные строки, и многое в его позднейших поступках. Правда, ему нельзя отказать в некоторых положительных чертах, но общая его характеристика верно дана Герценом, пронизательно обнаружившим под маской учтивости и благосклонности подлинный волчий облик Дубельта. Они поняли друг друга: недаром Дубельт с такой нетерпимостью относился к одному только упоминанию имени Герцена¹².

В 1913 году были опубликованы «Записки» Дубельта, давшие некоторым историкам основание заподозрить его в «убожестве мысли». Действительно, эти записки, вернее, афоризмы чрезвычайно плоски и никак не поднимаются над уровнем официальной идеологии николаевской России. Мы, однако, полагаем, что записки эти писались Дубельтом для чужого употребления, а не для себя. Поэтому он и прикидывался глупее, чем был на самом деле. Иначе нельзя объяснить то впечатление, которое он производил на современников, притом достаточно ему враждебных. Если Герцен раскусил лицемерие Дубельта, притво-

¹² И. В. Селиванов в своих записках (Русская старина. 1880. т. XXXIII. С. 309) рассказывает, что «вслед за упоминанием им имени Герцена... Дубельт вспыхнул, как порох; губы его затряслись, на них показалась пена.– Герцен! – закричал он с неистовством. – У меня три тысячи десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его повесил». Если и не все в этом рассказе верно, то, во всяком случае, он достаточно выразителен.

рявшегoся добряком и любившегo, чтобы к нему обращались с ссылками на «всем известную его доброту», то на других Дубельт умел производить чарующее впечатление. Известный польский революционер Сераковский, познакомившись с Дубельтом непосредственно перед заключением в крепость, писал ему: «Генерал! Счастливы юноши, что Вы стражем порядка. Вы старик, но с верующею, неугасающею душою. Я уже решился! Выслушайте меня сами, зайдите ко мне сами, генерал. Богу помолюсь за Вас!»

Своей учтиво-сентиментальной манерой Дубельт умел привлекать к себе допрашиваемых: Ф. М. Достоевский, привлеченный по делу петрашевцев, называл его «преприятным человеком». Отзывов такого рода немало. Внешнее лицемерие, образцы которого жандармам преподавал Николай I, стало официальным тоном III Отделения.

И именно Дубельт, окончательно сформировав аппарат жандармерии, завершил и создание типа «благородного жандарма».

Назначенный жандармским офицером в Симбирск, Э. И. Стогов следующим образом рисует разницу между жандармами «старой школы» и им как представителем нового поколения: «Доверие и уважение к жандармскому мундиру в Симбирске было разрушено. Передо мной был полковник Маслов, тип старинных полицейских. Он хотел быть сыщиком, ему казалось славою рыться в грязных мелочах и хвастать знанием семейных тайн. Он искал случая ко всякому прицепиться, все страдал, делал истории, хотел властвовать страхом и всем опротивел... Таким образом я явился к обществу, предубежденному к жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несносного придиралы даже в частной жизни». Конечно, Стогов не пошел по пути своего предшественника и, как уверяет он в своих мемуарах, снискал к себе общее расположение, примиряя враждующих, уличая неправедных, словом, доставляя жандармскому мундиру то уважение, которого он заслуживал...

Даже рядовые жандармы, по словам Герцена, на собственном опыте изведавшего прелести знакомства с ними, были «цветом учтивости»: «Если бы не священная обязанность, не долг службы, они никогда бы не только не делали доносов, но и не дрались бы с фореиторами и кучерами при разъездах».

Что же касается жандармов обер- и штаб-офицерских чинов, то они олицетворяли, конечно, при сношении с людьми «благородного» звания, самую изысканную любезность. Если опасного вольнодумца нужно было признать «повредившимся в уме», то, как мы видели в случае с Чаадаевым, издевательство это вызывалось только «чувством сострадания о несчастном его положении»; если подобного человека считали нелишним держать под домашним арестом или сослать куда-нибудь, то делалось это для того, чтобы он «не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха»; если его мучили и впрямь сводили с ума обязательными медицинскими осмотрами, то это являлось результатом распоряжения «употреблять все средства к восстановлению его здоровья». Литературный критик, голос которого был слишком вятен подраставшему молодому поколению и поэтому, хотя уже и перехваченный железными тисками чахотки, все еще беспокоил начальство, получал успокаивавшие, а фактически приближавшие его к смерти записки: «Вы как литератор пользуетесь известностью, об Вас часто говорят: очень естественно, что управляющий III Отделением и член цензурного комитета желает Вас узнать лично и даже сблизиться с Вами... Поверьте, что Вы встретите самый ласковый и радушный прием»¹³. Официальное лицемерие, прикрывавшее внутреннюю жестокость личной светской любезностью и благорасположением, пронизало все операции III Отделения. Создался специальный ритуал при арестах, допросах и пр. Так, по отношению к арестованным проявлялась особая заботливость в смысле снабжения их курительными принадлежностями согласно их вкусам и при-

¹³ Из записки М. М. Попова В. Г. Белинскому от 27 марта 1848 г. См.: Русская старина. 1882. Т. XXXVI. С. 434–435. Белинский умер 26 мая того же года.

вычкам¹⁴. При допросах, особенно если обвиняемый молод, считалось уместным вызвать перед ним образ его родителей, которые будут сокрушены, когда узнают меру виновности сына, проявить участие, дать надежду на оправдание при надлежащих ответах...

А. К. Толстой в своей сатире «Сон Попова» следующим образом рисует допрос в III Отделении:

Но дверь отверзлась, и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым,
Лазоревый полковник. Из очей
Катились слезы по его ланитам.
Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,
И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был едва лишь из пелен.
О юноша, – он продолжал, вздыхая
(Попову было с лишком сорок лет), —
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких – увы! – теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!
Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленья.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?»

Описываемый им допрос советника Попова как две капли воды похож на допрос петрашевца Ахшарумова: «„Ахшарумов! – сказал мне справа сидевший за столом генерал (это был Ростовцев, как я узнал впоследствии), – мне жаль вас. Я знал вашего отца, он был заслуженный генерал, преданный государю, а вы, сын его, сделались участником такого дела!“ Обращаясь ко мне с этими словами, он смотрел на меня пристально, как бы с участием, и в глазах его показались слезы. Меня удивило это участие незнакомого мне лица, и оно показалось мне искренним».

Подобный стиль наружных отношений III Отделения требовал и соответственного подбора служащих. Даже квартальные надзиратели того времени, чуя моду, старались блеснуть округлостью движений, мягкостью и благородством манер. В самом же полицейском святилище эти качества требовались в особой степени. Дубельт охотно приглашал к себе на службу армейских или морских офицеров, если только они обладали должным образом мыслей и подавали надежды на перевоспитание их в жандармском духе. Если они ехали в провинцию, им рекомендовалось «утирать слезы несчастных и отвращать злоупотребления

---

¹⁴ «На следующее утро пришел ко мне Л. В. Дубельт и начал разговор расспросами: „Хорошо ли вам? Тепло ли? Что курите, табак или сигары? Не имеете ли каких-нибудь особых привычек?“ и проч... Через полчаса явился ко мне дежурный штаб-офицер с теми же самыми вопросами...» (Селиванов И. В. Записки // Русская старина. 1880. Т. XXVI. См. также: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 217; Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний (1849–1851). СПб., 1905. С. 7–8).

власти, а обществу содействовать, быть в согласии». Они должны были стараться снискать любовь окружающих, не злоупотреблять картами и пр. По отношению к начальству они должны были вести себя как послушные дети, подобно тому жандармскому майору, который однажды донес, что, «поставив себе непременно правилом быть вполне откровенным перед начальством», он священным долгом считает довести до его сведения, что «с настоящего числа он надел парик».

Всеми этими мероприятиями Дубельт действительно поднял жандармский корпус на известную высоту, и отношение общества к жандармам оказывалось довольно терпимым. Тот же Герцен, которого никак нельзя обвинить в излишней любви к этому сословию, пишет о них: «Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпионы, а люди, случайно занесенные в жандармский дивизион. Молодые дворяне, мало или ничему не учившиеся, без состояния, не зная, куда приклонить главы, они были жандармами, потому что не нашли другого дела». Несколько далее он же замечает: «Нельзя быть шпионом, торгашом чужого разврата и честным человеком, но можно быть жандармским офицером, не утратив всего человеческого достоинства»¹⁵.

В связи со всем этим в III Отделении стали не то что косо, но презрительно смотреть на доброхотных доносителей, разведчиков-партизан. Конечно, от услуг их не отказывались, но, с одной стороны, слишком велик был процент ложных доносов, и доверие к ним несколько уменьшалось, с другой – уж больно они не подходили к новым приемам и манерам этого учреждения. Полуграмотные агенты из кантонистов тоже не могли, конечно, равняться с образованными и разыгрывавшими листовские концерты (а подчас и сочинявшими, и не всегда плохо) лазоревыми офицерами. П. П. Каратыгин рассказывает о Бенкендорфе и Дубельте, что они «презирали доносчиков-любителей, зная очень хорошо, что в руках подлецов донос весьма часто бывает орудием мести... Л. В. Дубельт при выдаче денежных наград – десятками или сотнями рублей – придерживался цифры трех... „В память тридцати сребреников“, – пояснял он...»

Если от этого рассказа и отдает немного анекдотом, то тенденция его все же верна, – подтверждение ее мы найдем и у Герцена.

Задача была выполнена: «высшее общество» и «средний класс», то есть дворянство и буржуазия, смотрели на жандармов с ужасом, но без презрения. Даже известная всем склонность «благородных жандармов» к наживе не смущала общество: в те времена крали и брали все. Сентиментальный Дубельт, наизусть цитировавший Священное Писание, состоял пайщиком в крупном игорном притоне Политковского, где проигрывались сотни тысяч казенных денег. На вырученные таким образом доходы Дубельт покупал имения и записывал их на имя жены. Бенкендорф принимал участие в ряде промышленных акционерных предприятий и помогал им устраивать свои дела. Меньшие полицейские просто брали взятки. Один из частных приставов Петербурга, объехавши все пять частей света, с клятвой уверял, что вторая адмиралтейская часть – лучший уголок в мире...

Но все это были кулисы полицейской жизни. Наружу жандармы являлись в голубом, как небо, мундире и белоснежных перчатках. Так же безоблачна и чиста должна была быть жандармская совесть. А за стенами здания у Цепного моста, когда нужно было, перчатки снимались и в руки брался кнут, умевший оставлять кровавые следы.

---

¹⁵ Кстати заметим, что «приятные» молодые люди оказались в III Отделении довольно устойчивым явлением. М. И. Михайлов наблюдал их и в позднейшее время и оставил описание подобного юноши: «Ему было на вид лет 20, усы маленькие, бороду он едва ли брил. Надежды подает приятные. Впрочем, таких милых юношей в мундирах разных полков я видел больше десятка во время пребывания моего у Цепного моста. Все они прикомандированы к начальнику III Отделения в чайнии мест адъютантов и чиновников особых поручений по жандармерии; состоят тут как бы на испытании и должны зарекомендовать свою скромность и показать отчасти свою деятельность. Шляясь по трактирам и по гостям в свободные от дежурств дни, они обязаны от времени до времени поддерживать хорошее мнение о себе в глазах начальства легкими доносиками» (Из дневника М. И. Михайлова // Русская старина. 1906. Август. С. 402).

Жизнь Шервуда-Верного

Книга о Шервуде написана в 1927 году и явилась одним из первых результатов моей работы над декабристами и их эпохой. Уходя в детальный материал архивных источников, я получал возможность не только изучать основные движущие силы классовой борьбы в России первой половины XIX века, но и восстанавливать перед собой конкретный быт различных социальных групп, познакомиться с целым рядом общественных типов. Из этих занятий выросло желание дать ряд связанных единством темы и главного героя социально-бытовых очерков и совместить в них научную точность фактического материала с интерпретацией его в плане занимательного повествования.

Задача довольно трудная, но и актуальная, поскольку материал такого рода, приближающийся по своему характеру к мемуарному, но отличающийся исследовательской проверкой фактов, должен служить педагогически важным дополнением при ознакомлении с общим ходом исторического процесса. Необходимость создания такой литературы сформулирована М. Н. Покровским в предисловии к книге Г. Серебряковой «Женщины эпохи французской революции». Действительно, исторический роман, получающий у нас сейчас довольно широкое распространение, не может целиком заполнить этот пробел; сюда должна направиться и работа специалиста-историка.

Чрезвычайно важный вопрос при разрешении проблемы популярно-занимательной книги – это распределение общего фона и конкретного материала. Нужно ли вводить в изложение подробные характеристики экономики и социальной жизни эпохи? Здесь, вероятно, не может быть одинакового ответа для всех эпох и тем. В данном случае мне казалось, что социально-экономическая история первой половины XIX века достаточно освещена существующей исторической литературой; широко вводить этот материал, следовательно, было бы нецелесообразно, так как его пришлось бы ставить либо в плоскости методологических споров, что перевело бы самую работу в другой план, либо в популярной трактовке, а это для подготовленного читателя – а на него-то и рассчитана книга – излишне.

Таким образом, моменты общеисторического порядка привлекались лишь постольку, поскольку без них было бы затруднительно понимание отдельных, незнакомых читателю и мало освещенных в марксистской литературе, явлений.

В какой мере это разрешение вопроса удачно и насколько вообще книга отвечает задачам научно-исторической живописи, автору судить довольно трудно, особенно при новизне у нас этого жанра.

В кропотливой работе собирания отдельных фактов и справок мне пришлось обращаться к помощи ряда лиц и научных учреждений. Впоследствии, благодаря некоторой задержке в печатании книги, мне удалось познакомить с нею в рукописи нескольких специалистов и получить их оценку и указания. Пользуюсь случаем выразить мою благодарность Н. Н. Ванагу, С. Я. Гессену, Б. П. Козьмину, Н. О. Лернеру, Ю. Г. Оксману, Ф. Ф. Раскольникову, Б. Е. Сыроечковскому, А. А. Шилову и сотрудникам Ленинградской государственной публичной библиотеки. Двоих доброжелательных критиков рукописи книга уже не застает в живых: А. В. Владимирова и А. Е. Преснякова.

Некоторые отрывки из книги были напечатаны мною в статье «Первый провокатор-профессионал» (Новый мир, 1929, II) и в брошюре «Третье отделение в Николаевскую эпоху» (М., Изд-во политкаторжан, 1930).

И. Т.

I. Общество «Frères-cochons»

Кажется, будто жизнь людей обыкновенных однообразна – это только кажется: ничего на свете нет оригинальнее и разнообразнее биографий неизвестных людей...

А. И. Герцен. «Кто виноват?»

История жизни и приключений Ивана Васильевича Шервуда-Верного удивительным образом распадается на отдельные эпизоды, эпизоды любопытные и своеобразные. Жанр остается выдержанным в течение всего повествования – это авантюрный роман, но роман, написанный самой жизнью на плотной цветной бумаге канцелярских отношений, представляет особый интерес для историка. Каждая новелла этого романа сталкивает нас с живыми людьми. Имена одних вошли в обиход всякого исторически образованного человека, других – возвратились в небытие; но не прав ли был Герцен: что может быть оригинальнее и разнообразнее биографий неизвестных людей?

Знакомство с авантюристом почти всегда занимательно; подчас оно бывает поучительным. Шервуд для нас – не просто искатель приключений. Его именем начинается список профессионалов-провокаторов в России. Он вошел действующим лицом в историю такого значительного движения, как восстание декабристов. И немудрено, что, знакомясь с отдельными эпизодами его биографии, мы находим в них типическое отражение общественного быта эпохи. Пусть из отдельных осколков жизни одного человека мы не соберем целостного здания, но, если в них откристаллизовались явления, характерные для всего социального уклада времени, стоит, думается, извлечь документ из плена архивных стеллажей и к цепи событий, на первый взгляд случайных и не связанных, поискать недостающих звеньев. Элемент анекдота останется, но в том смысле, как его понимали в начале прошлого века: любопытное, но истинное происшествие.

Судьба архивного исследователя часто играет с ним жестокие шутки. Порой она вселяет в него надежду найти ответ на жгущий его в данную минуту вопрос, а в результате ставит перед рядом новых неожиданных проблем, разрешению которых поставлены неодолимые преграды: недоступность материала, неопределенность его местонахождения или заведомая его гибель. С такой проблемой сразу же сталкивает нас состояние архивных данных о Шервуде. Это история тайного общества «братьев-свиной», существовавшего в Петербурге в 1824 году.

В одном из старых томов «Русской старины», в отделе «Записная книжка», среди различных архивных мелочей имеется заметка под заглавием «Общество „свиной“ в 1824 г.»¹⁶.

Под этим заголовком приведено было официальное, но никем не подписанное донесение об окончании следствия по делу общества «свиной». Безымянный автор записки, согласно канцелярскому этикету того времени, «имел счастье представить при сем заметки тех, кои в оном находились, и что о каждом оказалось».

Комментируя эту записку, редакция «Русской старины» отметила, что «действия и цели общества остаются для нас совершенно неизвестными». Хотя в руках ее и находилось дело о высылке членов общества «свиной» за границу¹⁷, но и оно не проливало света на эту загадочную историю. В том же году в «Русской старине»¹⁸ была помещена заметка, излагавшая

¹⁶ Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 183–186. Записка датирована 18 июля 1824 года. Подлинник ее хранится в Лефортовском архиве, в делах бывшего военно-ученого архива.

¹⁷ Ныне находится в Пушкинском доме Академии наук СССР.

¹⁸ Русская старина. 1881. Т. XXXI. С. 298–299.

содержание этого дела, но, кроме некоторых деталей, из нее нельзя было почерпнуть какие-нибудь дополнительные данные.

Так и остался эпизод этот забытым. На страницах наших старых журналов погребено, впрочем, немало сведений о событиях и более значительных, и более интересных. Случайная находка знакомит нас с новым фактом; но на очереди стоят иные вопросы, и общее течение исторической мысли оставляет этот факт в стороне, не осветив его и не поставив рядом с другими обстоятельствами, без которых он не может быть ни понят, ни оценен.

Поэтому нет ничего странного, если об обществе «свиней», или, как их, может быть, вернее будет назвать, «братьев-свиней», мы больше не находим печатных упоминаний. Еще одно указание мы можем прочесть на страницах «Исторического вестника», в статье официального историка трех царствований Н. К. Шильдера¹⁹. В руках автора были неопубликованные данные об обществе «свиней»; но его остановили соображения «этического» порядка: «крайние грубость и цинизм целей и порядков этого общества не дают нам возможности говорить о нем печатно».

В современном состоянии вопроса о развитии революционных течений в России первой четверти XIX века чувствуется значительный пробел: очень мало изученной оказывается обстановка, в которой зарождались первые русские политические общества. А между тем этот процесс не был изолированным. Привычной формой организации для всякого идеологического искания того времени, религиозного или политического, философского или революционного, было тайное общество. Эта форма сама по себе олицетворяла протест против общественного строя, и в самых по виду невинных, литературных или эпикурейских, тайных кружках уже пробивались ростки будущего революционного прорыва. В легитимнейшем «Арзамасе» вслед за шуточной символикой и литературными памфлетами Жуковского и Вяземского зазвучали серьезные речи М. Ф. Орлова и Н. И. Тургенева. И если в декабрьском движении оказалось так много случайных, идейно не столько чуждых, сколько безразличных ему людей, то не потому ли, что их, как ветреного гуляку, но по существу доброго малого, Репетилова, привлекла внешность:

...У нас есть общество и тайные собрания
По четвергам... Секретнейший союз...

Александровская эпоха была особенно богата тайными обществами. И если о масонстве, о декабристах, об «Арзамасе» и «Зеленой лампе» нам уже известно многое, то мы почти ничего не знаем о судьбе тех многочисленных групп, которые, несомненно, возникли и в столицах, и в провинции. От некоторых из них сохранились неясные следы, глухие намеки, но и они еще не разъяснены и не проверены. А между тем изучение отдельных обществ может оказать существенное значение для понимания социальной обстановки. Не будем поэтому слишком ригористичны и не станем, подобно Шильдеру, отказываться от материала, если он иллюстрирован соблазнительными рисунками.

Уже тот список членов общества «свиней», который был помещен в упомянутом донесении, вводит нас в определенную социальную сферу, знакомит с составом членов этого братства. Десять имен названо в этом списке – десяти участников, подвергшихся преследованиям и каре. Мы не знаем, привлекался ли еще кто-нибудь по этому делу. Дальше нам придется столкнуться с теми туманными, скудными данными, какие у нас по этому вопросу имеются, и попытаться в них разобраться. Но основной список непреложен, и он сразу же являет нам довольно любопытную картину.

---

¹⁹ Шильдер Н. К. К биографии Шервуда-Верного // Исторический вестник. 1896. Май. С. 510. Сведения из этой статьи попали и в статью о Шервуде в Русском биографическом словаре.

Огюст Булан-Бернар – художник; Пьер Ростэн, уроженец департамента Соммы, гувернер и педагог; аббат Иосиф Жюсти, тосканец, но приехавший из Швеции; Цани – итальянец, одновременно секретарь и профессор музыки; Лебрен, *commis*²⁰ из Женевы, в России гувернер; Плантен, доктор медицины; Алексис Жоффрей (Жоффре), с должным чиновничьим отмененным как «губернский секретарь и поэт», а фактически преподаватель литературы; Констанс Марсиль, родом из департамента Соммы, доктор медицины и зять упомянутого Ростэна; Жан-Батист Май, о котором список сообщает только, что он был председателем братства, но который подписал обязательство о неприезде в Россию как «*homme de lettres, natif de Besancon*»²¹, и, наконец, единственная русская фамилия в списке, ремарку к которой приведем целиком: «Сидоров, С.-петербургский мещанин. Молодой человек дурного поведения, говорит по-французски и занимается хождением по делам и т. п. Он был в обществе „свиной“, которые пользовались его услугами для приискания денег и для иных спекуляций. Оказался самым упорным в запирательстве. Бумаги его свидетельствуют, что он занимается самыми подозрительными делами»²².

Первое, что бросается нам в глаза при чтении этого перечня, – иностранный состав общества. Иностранцы в России – тема в высшей степени любопытная. Начиная с конца XVI века широкий поток чужеземных искателей славы и наживы вливался в пределы Московского государства, устремляясь преимущественно в центры – в Москву и позднее в Петербург. Постепенно изменялась физиономия иностранного элемента в России. Скопидомная Москва неохотно пускала пришельцев и принимала только тех, в которых испытывала подлинную нужду. Итальянский техник, купец из «немцев цесарские земли», английский и голландский коммерческие агенты, странствующий ландскнехт, вступавший в царскую службу, – вот типы иностранцев того времени. С начала XVIII века перед ними открываются совершенно иные перспективы. Реформированные по европейским образцам система государственного управления и организация войска, двор, стремительно преобразовывавшийся на чужеземный лад («Хочу иметь у себя огород не хуже Версаля», – говаривал Петр), дворянское общество, жадно покрывавшее себя лаком новой культуры, – все это создавало благоприятнейшую почву для возвышения людей с Запада. Развитие, первоначально пусть еще слабое, русской мануфактурной промышленности, рост сношений русской торговли с европейскими рынками укрепили связь России с Западом и окончательно ввели ее в круг европейских держав. Собственно XVIII век и явился апогеем в смысле возможностей, которые Россия предоставляла иностранным авантюристам. Ответственнейшие государственные посты без труда занимались безвестными проходимцами, умело вступавшими в круг дворцовых интриг и преторианских переворотов. Высшие военные чины беспрепятственно раздавались офицерам сомнительных итальянских и немецких армий. И немудрено, что величайшие авантюристы XVIII века в своих странствиях не минули России. Сен-Жермен, Калиостро, Казанова, кавалер д'Эон – все они побывали в столице Севера. И многие из тех, кому на родине терять было нечего, кого гнали оттуда нужда и безвестность, подчас и уголовные законы, охотно отправлялись в русское Эльдorado и достигали там богатств и почестей.

Выплеснутые решительным толчком революционного народа, «из недр Франции целые потоки невежественного дворянства полились на соседние страны, Англию, Герма-

²⁰ Приказчик (*фр.*).

²¹ Литератор, уроженец Безансона (*фр.*).

²² Русская старина. 1881. Т. XXXI. С. 186. Подлинник донесения написан по-французски. Приводим его в переводе «Русской старины» с некоторыми поправками. Некоторые дополнительные данные о членах общества извлечены нами из вышеупомянутого дела о высылке их за границу.

нию, Италию»²³; отсюда они стали просачиваться в Россию, а победоносные войны Наполеона оттеснили на восток новые массы эмигрантов.

В конце XVIII века Россия переживала период хозяйственного подъема. Упорно рос вывоз русского хлеба и сырья; в толщу сельского хозяйства начинали уверенно проникать капиталистические отношения. Пробивались первые ростки промышленного капитализма. Уже Вольное экономическое общество предложило, по высочайшей инициативе, задачу: «в чем состоит собственность земледельца» – и наградило премией ответ Беарде-Делябея, полагавшего, что «собственность не может быть без вольности».

В то же время раздвигались внешние границы империи. Могущество ее казалось незыблемым. После подавления Пугачевского бунта, побед над Турцией и раздела Польши русскому колоссу еще не было надобности проверять, из какого материала сделаны его ноги. Двор «Семирамиды Севера» считался самым блестящим в Европе, и подобно тому, как после падения Византии ритуал империи оказался перенесенным в Кремлевские палаты, точно так же в конце XVIII века лужайки загородных петербургских садов озарились последними лучами заходившего версальского солнца. Принцип легитимизма нигде не находил такой безусловной поддержки, как в России, и нигде эмигранты не встречали лучшего приема. Им не только открылись доступы к дворцовым залам и светским гостиным²⁴, но и к чинам, почестям и землям. В колонизаторском увлечении русское правительство щедрой рукой раздавало новоприобретенные земли Новороссии и Таврии. Девственные степи Черноморья и виноградники изгоняемых татарских бедняков огласились изысканной французской речью. Даже знаменитая де ла Мотт, героиня «ожерелья королевы», правда несколько позднее, оказалась крымской помещицей, в каковом звании она и закончила свои дни. Впрочем, неразборчивость русского гостеприимства доходила до таких пределов, что почти что состоялось было соглашение о заселении Крыма английскими уголовными преступниками.

Мемуары и документы того времени пестрят упоминаниями об удивительных карьерах иностранцев. Заезжий булочник, не найдя себе применения по специальности, делается гатчинским офицером и успешно продвигается по служебной лестнице. Французский парикмахер, нажившись торговлей духами, переходит от пудры к крупчатке и, наконец, становится одним из крупнейших новороссийских помещиков. Можно было бы привести много подобных примеров из различных сфер общественной жизни.

Понятно, что при таких условиях наплыв иностранцев не прекращался. Со временем, однако, мода на них начала проходить, и все труднее и труднее становилось им добиваться успеха. При развивавшейся бюрократической системе становилась седым воспоминанием щедрость былых фаворитов. В первой половине XIX века уже казались анекдотами капризы Потемкина, давшего гувернантке своей возлюбленной чин и оклад полковника в виде пенсии. Культурное дворянское общество протестовало против увлечения «французиками из Бордо», и даже служилая среда начинала давать отпор чужеземцам, отпор, особенно ревностно поддержанный, по-видимому, балтийскими немцами, считавшими себя коренными русскими. Ярким примером такого «истинно русского» балтийца может служить Ф. Ф. Вигель, в воспоминаниях которого мы найдем немало гневных строк по адресу иноземцев. «Нет числа бесполезным иностранцам, – писал он, – которые приезжают к нам покориться и поумничать» и пр.²⁵. С ростом числа приезжих мельчал их калибр; в атмосфере, уже насыщенной иностранным элементом, нельзя было рассчитывать на быстрое возвышение и приходилось довольствоваться более скромными ролями. Вигель был не совсем прав,

²³ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. Ч. III. М., 1864. С. 37.

²⁴ Воспомявая приемы у княгини Шаховской, Ф. П. Фонтон писал: «Во время революции этот дом был собрание всех эмигрантов. Там безвыходно сидели Полиньяки, Дамас, Шуазель, Сенпри, братья Иосиф и Ксавер Местер, Мишо и прочая» (Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. Т. I. Лейпциг, 1866. С. 23).

²⁵ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Ч. VII.

утверждая, что «не было у нас для французов середины: ils devenaient outchitels on grands seigneurs»²⁶. Для его эпохи французский гувернер был уже значительно типичнее, чем вельможа из французских эмигрантов. Итальянские аббаты и музыканты, французские «hommes de lettres», недоучившиеся немецкие студенты и английские шкиперы, попадая в Россию, становились в лучшем случае секретарями и библиотекарями в аристократических домах, обычно же гувернерами и преподавателями.

---

²⁶ Они становились «учителями» или вельможами (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.